Сергей Калабухин

Эпизоды жизни

SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Калабухин
  - Сила слова
  - Про иго
  - Карбункул
  - Ненавижу уколы!
  - Больничные байки
  - О юных невестах и злобных старухах
  - Случай в ванной
  - Об авторе
- notes
  - 1
  - 2

Сергей Калабухин
ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ

Сила слова

История — ложь, которую никто не оспаривает.

Наполеон Бонапарт

— Эй, раб, как ты смеешь сидеть в присутствии царя? — услышал Александр голос Неарха. Очнувшись от дум, он увидел полуголого старика в рабском ошейнике, спокойно сидящего на ступенях, ведущих в гимназию. Жестом Александр остановил взявшегося за рукоять меча друга. Ему не хотелось омрачать свой сегодняшний триумф кровавой расправой над жалким рабом. Царь осмотрелся. На лицах столпившихся вокруг знатных коринфян и депутатов конгресса Эллинского союза он ясно читал жажду скандала. Что-то здесь не так. Не может простой раб вести себя столь нагло, да ещё в присутствии лучших граждан города и гегемона Греции.

Всего два года назад в решающей битве при беотийской Херонее войско Филиппа II разбило объединённые силы коалиции греческих городов. Немалый вклад в победу внесли и воины, командовал которыми восемнадцатилетний сын македонского царя Александр. Здесь, в Коринфе, Филипп II заставил Грецию объединиться под властью македонского гегемона. Был заключён Эллинский союз. Города-государства, вошедшие в него, сохранили внутреннюю автономию. Их представители при необходимости должны собираться на конгресс в Коринфе. Была создана общая армия для противодействия внешним врагам и предотвращения актов агрессии в отношении любого из членов Эллинского союза. Командующим этой армии Филипп II, естественно, объявил себя. Кроме того, македонские гарнизоны остались в Коринфе, Фивах и некоторых других городах.

Два года в Греции было спокойно. Македонцы готовили общую армию к походу в Персию, как вдруг царь Филипп умер. Решив, что молодой наследник македонского престола не сможет оказать серьёзного отпора, греки восстали против македонского господства. Как и ранее зачинщиками намечающейся войны выступили извечные соперники — Фивы и Афины, вынужденно объединившиеся против общего врага.

Но восставшие недооценили Александра. Того готовили к власти с раннего детства. Александр учёл, что Греция стала едина всего лишь два года назад и к тому же не по собственной воле. Многовековая вражда и внутренние противоречия между

городами-государствами пока не исчезли, а общая армия продолжала подчиняться македонскому царю.

Приняв власть, Александр срочно созвал в Коринфе конгресс Эллинского союза и пригрозил на нём направить общую армию против мятежников, так как они нарушили договор и, изгнав македонские гарнизоны, проявили явные акты агрессии против одного из членов союза — Македонии. Большинство греческих полисов, осознавших преимущества стабильного мира и спокойствия торговли, не желали новой войны. Они понимали, что если даже удастся изгнать македонцев (что вряд ли), то обретённая вновь независимость неминуемо приведёт к возобновлению междоусобных раздоров и войн.

И вот отгремели яростные споры. Конгресс большинством голосов подтвердил действенность положений Эллинского союза и утвердил его гегемоном нового македонского царя. Мятежники не получили поддержки, и судьба их отныне будет незавидна, это Александр решил твёрдо. Ведь он решил продолжить дело своего отца, Филиппа II. Но двинуть армию на восток, против персов, оставив в тылу тлеющие очаги измены, невозможно! Поэтому урок для потенциальных бунтовщиков должен быть жесток и нагляден. И первой целью, решил Александр, будут Фивы. Это гнездо измены необходимо выжечь дотла.

Перед прощальным пиром македонский царь решил прогуляться по Коринфу, осмотреть его храмы, дворцы, стадион с гимназией, а также поближе познакомиться с лучшими людьми города. Так он объявил окружающим. На самом же деле, Коринф совершенно не интересовал Александра, но нужно было хоть чем-то подсластить горечь поражения грекам, проветрить от споров голову и обдумать дальнейшие действия. И вдруг на пути царя возник этот наглый раб! Как это могло случиться? Ведь дорогу перед Александром и сопровождающей его свитой, состоящей из личной охраны царя, членов Эллинского конгресса и знатных коринфян, расчищает от посторонних лиц городская стража!

— Кто ты, старик? — не выдавая беспокойства и гнева, спросил раба Александр.

— Меня называют собакой, — спокойно ответил тот, продолжая безмятежно сидеть.

— И почему же тебя так зовут?

— Кто бросит кусок — тому виляю, кто не бросит — облаиваю, кто злой человек — того кусаю.

— Игемон, не гневайся! — Пробился к Александру сквозь толпу жирный критянин в одежде богатого купца. — Это мой раб, известный философ Диоген Синопский. Позволь, я сам накажу его…

— Философ? — Александр с интересом посмотрел на раба. Тот был не по годам крепок, не по статусу высокомерен и отвечал царю вызывающим взглядом. — Мой отец, царь Филипп, конечно, жестоко наказал бы этого наглого раба, купец. Да и тебя заодно — за то, что не сумел научить своего раба, как тому следует себя вести в присутствии знатных людей. Но я — царь Александр! Одним из моих учителей был Аристотель, так что вам повезло.

Александр сделал знак Неарху, и тот мощным толчком вернул купца в толпу коринфян. Те стояли так плотно, что толстяк, врезавшись в передних, избежал падения и остался на ногах, однако тут же со злобными комментариями его выпихнули в задние ряды.

— Что ж, пёс Диоген, — усмехнулся царь, — давай проверим, каков из тебя философ. Твоим отцом, как я помню, был синопский меняла и ростовщик, брошенный в тюрьму за изготовление фальшивых монет. Ты, говорят, усердно помогал отцу в этом неблаговидном промысле, но то ли успел вовремя сбежать, то ли был изгнан из города.

— Это ложь! — ощерился Диоген. — Я в то время путешествовал по Греции, был у оракула в Дельфах.

— Да, с тех пор прошло более полувека, и узнать правду сейчас мы вряд ли сможем, — усмехнулся Александр и с удовлетворением отметил прокатившиеся по толпе зрителей смешки. — Но, насколько я знаю, ты вдруг объявился в Афинах и стал нищим бездомным попрошайкой. Клянчил милостыню на площади и жил в старом дырявом пифосе[1], выброшенном кем-то за ненадобностью. Почему же ты так и не вернулся в Синоп, если тебе ничего не грозило?

— Я не мог вернуться, — буркнул Диоген. — Мой собственный раб обокрал меня и сбежал.

— Раба поймали?

— Нет, я не подавал жалобу. Если раб может прожить сам, без меня, то и я мог прожить без него!

— Интересная мысль. — Александр на пару мгновений задумался, потом вновь обратился к Диогену. — Значит, ты предпочёл пятьдесят лет прожить нищим и бездомным попрошайкой в чужом городе вместо того, чтобы возвратиться в родной дом. И всё из-за того, что тебя обокрал твой собственный раб, которого ты даже не пожелал объявить в розыск…

— Не только поэтому! — взвизгнул Диоген. — В Афинах, ещё до бегства раба, я увлёкся философией киников и стал учеником Антисфена.

— Антисфен давно умер, — парировал Александр. — А ты так и не вернулся в Синоп.

— Зачем мне было туда возвращаться?

— Об этом мы поговорим чуть позже.

Александр, поморщившись, сел на угодливо принесённое кем-то из гимназии ложе. Он с удовольствием стоял бы и дальше, потому что достаточно насиделся в конгрессе, но стоять перед сидящим рабом царю и гегемону не пристало.

— Поговорим теперь о философии киников. Ты, Диоген, пошёл дальше своего учителя и стал отвергать всё: богов, искусство, обычаи, семью, общество и мораль. Я слышал, что в Афинах ты публично занимался рукоблудием, это так?

— Всё так, — усмехнулся Диоген. — Жаль, что голод нельзя утолить, поглаживая живот. Ты хорошо информирован, игемон…

— Зато ты, и те, кто посадил тебя на эти ступени у меня на пути, совсем не знают меня, — с удовлетворением отметил Александр.

— Но, игемон… — Вновь сунулся вперёд купец, но Неарх небрежным взмахом руки отшвырнул его тушу назад, в толпу коринфян.

— Итак, — хладнокровно продолжил Александр. — Два года назад, когда мы, македонцы, разбили греков в сражении при Херонее, в Афинах началась паника. Чтобы пресечь массовый исход жителей из города, народное собрание приравняло бегство к государственной измене, караемой смертью. Так было?

— Так, — кивнул Диоген. — Ждали штурма. Поэтому жители принялись укреплять стены города, накапливать продовольствие, всех мужчин призвали на военную службу, рабам обещали свободу.

— А что делал ты, Диоген?

— Я катал по улицам Афин свой пифос.

— Зачем? — удивился Александр.

— Я — гражданин мира. — Диоген высокомерно усмехнулся. — Не признаю государства и границы. Мне-то что за дело, кто будет править в Афинах: македонский царь Филипп или Демосфен? Но все вокруг суетятся, что-то тащат, чем-то заняты, один я сижу без дела. Ничего кроме пифоса у меня в то время не было, вот я его и катал по улицам.

— Тебе уже тогда было за семьдесят, да?

Александр ещё раз внимательно осмотрел раба.

— Но я вижу, что ты и сейчас на удивление крепок телом, зорок глазом и здоров не по годам.

— Я всю жизнь закаляю своё тело, — гордо ответил Диоген. — Летом часто лежу на раскалённом песке, зимой обнимаю заиндевелые статуи.

— В таком случае, ты мог бы оказать Афинам более

существенную помощь, вместо того, чтобы бессмысленно катать по улицам свой пифос.

— Я уже сказал… — побагровел Диоген.

— Да, я слышал, — перебил его Александр. — Ты не признаёшь государства и границы. Я вижу, что пёс Диоген не трус, однако, он всё же сбежал из Афин, несмотря на запрет и угрозу казни. Ты, называющий себя «гражданином мира», не пожелал отдать жизнь за свободу приютившего и кормившего тебя более полувека города!

Диоген презрительно фыркнул и отвернулся от Александра.

— Как это было, пёс? — не реагируя на хамскую реакцию собеседника, спросил царь. — Ты тайком пробрался на корабль, отправляющийся к берегам Эгины? Денег-то, чтобы заплатить капитану за проезд, у тебя, нищего попрошайки, быть не могло.

Диоген проигнорировал вопрос.

— Но тебе не повезло, пёс, — спокойно продолжил свою речь Александр. — Корабль захватили пираты, тебя продали в рабство, и теперь ты живёшь здесь, в Коринфе. И что самое обидное — роковое бегство твоё было напрасным, потому что мой отец, царь Филипп, вовсе не собирался нападать на Афины! И не напал.

Царь повернулся к толпе зрителей и негромко позвал:

— Эй, купец, как тебя…?

Критянина вытолкнули вперёд.

— Ксениад, игемон! — Униженно кланяясь, приблизился тот к царю.

— Что за работу выполняет у тебя этот раб?

— Он обучает моих сыновей, игемон. Они сейчас оба находятся в этой гимназии, поэтому Диоген и сидит здесь, ждёт, когда закончатся занятия, чтобы проводить их домой. Об этом я и хотел сказать тебе раньше…

— Чему же он их обучает? Философии киников? Отрицанию всего и вся?

— Нет, игемон. Верховой езде, метанию дротиков, истории и греческой литературе.

— Это забавно! — Александр рассмеялся. — Человек, отрицающий искусство и науки, обучает детей истории и литературе.

Царь вновь с удовлетворением отметил, что его смех поддержали многие из стоящих вокруг невольных зрителей.

— Да, — встрепенулся Диоген. — Я всегда говорил, что люди должны вернуться к идеалам первобытного общества, к его простым и естественным нравам, не искалеченным так называемой цивилизацией с её государствами, рабством, культурой и искусством. В первобытном обществе все равны и

свободны в своих желаниях. Нет морали, семьи и связанных с ними конфликтов. Все женщины и дети — общие! И поэтому о них равно заботятся все мужчины, а значит все слабые члены общества сыты, одеты и защищены…

— И это говорит философ! — Александр сокрушённо покачал головой. — Ты более чем втрое старше меня, Диоген, а рассуждаешь, как неразумное дитя. Неужели ты и вправду веришь в Золотой век первобытного общества?

— Да, верю! — страстно воскликнул Диоген. — И всю жизнь учу, что надо отринуть все излишества цивилизации и жить в гармонии с природой.

— Ты — демагог, пёс Диоген, — с сожалением промолвил Александр. — Отрицая цивилизацию и ратуя за близость к природе, ты всю жизнь живёшь в городе. Почему же ты не удалился куда-нибудь в лес или горы? Почему клянчил милостыню у цивилизованных граждан, а не добывал себе пищу охотой, как это делали первобытные люди?

Сколько женщин и детей ты осчастливил своей заботой? Как ты хотя бы позаботился о собственной матери, когда твоего отца отправили в тюрьму? Ведь всё ваше имущество было взято в пользу города. Что стало с твоей матерью, Диоген, пока ты обучался философии в Афинах и не желал разыскивать сбежавшего со всеми твоими деньгами раба? Ну же, не молчи, пёс! Неужели зрелому философу-греку нечего ответить юнцу-варвару? Чего это ты дрожишь?

— Отойди, ты заслоняешь мне солнце, — прохрипел трясущийся от ярости Диоген.

Тут за рукоять меча схватился не только Неарх, но и все македонские воины личной охраны царя, но Александр резким жестом вновь остановил их. Он повернулся к Диогену, сменившему вальяжную до этого позу на напряжённую. Кулаки раба сжались, взбугрив отнюдь не старческие мышцы, грудь вздымалась от частого дыхания, насмешливая улыбка превратилась в злобный оскал.

— Где же твоя хвалёная закалка, пёс Диоген? — спокойно сказал царь потерявшему над собой контроль рабу. — Всего два года спокойной рабской жизни, и тебе уже требуется тепло солнца, чтобы согреться посреди лета.

Итак, подведём итог. Ты, пёс Диоген, называешь себя «гражданином мира», отрицаешь всякую власть и государственные границы. Но на самом деле ты просто изгой, человек без родины. Тебя в юности изгнали из Синопа и в старости не примут назад в преданных тобою Афинах. А здесь, в Коринфе, ты — обычный раб, а не гражданин.

— Друзья и последователи в любой момент выкупят меня из рабства и дадут свободу! — воскликнул Диоген. — Они уже предлагали мне это. Я сам отказался, не желая быть у них в долгу. Кроме того, истинная свобода человека и его рабство не определяются наличием или отсутствием ошейника! Я, и будучи рабом, распоряжаюсь своим хозяином и чувствую себя более свободным, чем он.

— Нет, раб, — снисходительно усмехнулся в ответ Александр. — Ты отказался от выкупа, потому что за два года жизни в Коринфе привык к регулярной хорошей пище, крыше над головой и необременительным обязанностям. Ты стареешь, и тебе больше не хочется терпеть нужду и невзгоды, жить, как бродячая собака. У тебя теперь есть тёплая конура и добрый хозяин. Ты и в этом оказался предателем. Изменил собственному учению, «философ»!

Царь выделил последнее слово презрительной интонацией. Словно публично плюнул им в лицо раба.

— И от свободы ты, оказывается, отказался сам, по собственной воле! Вся твоя нынешняя свобода, пёс Диоген, ограничивается длиной цепи, на которой держит тебя хозяин.

— Даже на цепи у меня достаточно свободы, чтобы говорить людям правду! — прорычал в ярости Диоген. — В том числе и царям. Диогена из Синопа знает весь мир! А кто ты такой, царь Александр? Двадцатилетний мальчишка, всего лишь по случайному праву рождения севший на трон. Всем, что у тебя есть, ты обязан своему отцу. Это царь Филипп II создал могучую Македонию и её победоносную фалангу.

Глупые греки, стиснутые идиотскими границами и рамками местнических интересов, сами пригласили армию Филиппа в самый центр Греции, чтобы наказать жителей Амфиссы за самовольный захват так называемых священных земель. Думали использовать македонцев в качестве наказующей дубинки, а потом отправить их домой. Но Филипп после разорения Амфиссы внезапно стал захватывать и другие греческие города и, в конце концов, навязал всем Эллинский союз!

Диоген вскочил и обратился к толпе.

— О каком союзе вы, греки, ведёте речь, если он навязан вам силой? Лицемеры! Это вы — рабы, а не я.

Прокричав последние слова, Диоген опять сел и вновь обратился к Александру:

— Из-за таких вот захватчиков, как твой отец, и трусливых лицемеров, как греческие властители, я и не признаю государства, границы и власти. Вот почему не хочу воевать за эти ложные «ценности» и считаю себя гражданином мира.

— Да, я пока юн, — вздохнул Александр. — Но это быстро пройдёт. Ты прав в другом, Диоген: мне действительно всё досталось от царя Филиппа. Но сейчас началась моя эра! Сегодня именно я добился сохранения Эллинского союза, и именно я продолжу реализовывать планы моего отца по построению мирового порядка. С помощью объединённой греческой армии я завоюю весь мир, и тогда в нём не останется иных государств, кроме моего. Не будет границ и междоусобиц, и каждый житель моей державы станет истинным гражданином мира!

— Это только слова! — презрительно отмахнулся Диоген. — Жаль, что я уже стар и вряд ли смогу насладиться твоим позором, когда персы разобьют твою жалкую армию, а тебя превратят в евнуха.

— Мой отец стал царём в двадцать три года, — спокойно сказал Александр. — Он поднял из праха Македонию, отбросил от её границ варваров, объединил и подчинил себе Грецию. Я надел царскую корону в двадцать лет и только начинаю свой путь. Ты прожил долгую жизнь, Диоген, но не сделал ничего, чем можно гордиться, разве что нажил крепкое здоровье. А я сегодня уже положил начало своим успехам.

— Посмотрим, каким будет конец, — ядовито прошипел Диоген.

— Посмотрим, — задумчиво протянул Александр. — Будем надеяться, что ты доживёшь до моей смерти и сможешь увидеть то, что успею и сумею сделать за время моего правления я. Ты предал всё, что имел и чему учил, пёс Диоген. Жил и, по-видимому, умрёшь, как собака. Но не надейся: уж точно не от руки царя Александра! Такой посмертной славы у тебя не будет. Я накажу твою дерзость иначе. Эй, Ксениад!

Истекающий потом, бледный от ужаса купец на подгибающихся ногах вновь подбежал к царю.

— Я здесь, игемон.

— Хорошо корми своего раба, купец, и не нагружай сверх меры работой. Я хочу, чтобы этот паразит жил очень долго, желательно — до моей смерти. И не вздумай дать ему свободу или продать другому хозяину! В награду я даю тебе привилегию на обеспечение всем необходимым македонского отряда, стоящего в Коринфе.

— Благодарю, игемон! — обрадовался купец. — Не беспокойся, Ксениад никогда не нарушал подписанного договора.

— Ах ты, хитрец! — засмеялся Александр. — Я распоряжусь, чтобы с тобой заключили письменный договор на поставки продуктов и прочего.

— На какой срок, игемон?

— Пока кто-нибудь из нас двоих не умрёт: я или Диоген. Так что храни здоровье и жизнь своего раба и молись богам за моё благополучие.

— Всё же надо было хотя бы как следует выпороть того наглого раба, — пробурчал Неарх, когда македонцы после прощального пира покинули Коринф.

Александр дал знак, и отряд охраны отстал на расстояние, достаточное для того, чтобы никто не слышал беседы царя с двумя самыми близкими к нему сановниками.

— Я согласен с Неархом, — твёрдо сказал Антипатр, отвечая на вопросительный взгляд повелителя. — Тот старик вёл себя вызывающе и несколько раз прямо оскорбил тебя и всех нас, македонцев. Его надо было публично казнить, а не выпороть.

Александр вздохнул и ласково потрепал по шее Буцефала. Конь явно застоялся, проведя весь день в конюшне. Но если дать ему волю, они прискачут в лагерь слишком быстро и не успеют поговорить без лишних ушей вблизи, так как всё, что происходит в царском шатре, отлично слышно воинам охраны, круглосуточно дежурящим у входа. А поговорить надо и срочно!

— Я бы сделал, как вы говорите, друзья, не будь я Александром, — наконец повторил царь загадочную фразу. — Враги Эллинского союза ждали именно такой реакции от македонского варвара, но я-то не зря учился у Аристотеля и сразу увидел ловушку.

— То есть, мы с Неархом по-твоему — варвары? — обиженно нахмурился Антипатр.

— Не по-моему, а по мнению фиванцев или афинян, — примирительно улыбнулся ему Александр. — И не только вы и я, а вообще все македонцы. Просто под руководством Аристотеля я хорошо изучил не только историю и искусство греков, но и их нравы, образ мышления. Они не ожидали этого, потому и усадили на моём пути Диогена Синопского, известного своей грубостью и наглостью, а также отсутствием какой-либо почтительности к кому-либо и чему-либо, тем более — к власти.

— Зачем же ты дал его хозяину привилегию, если он — наш явный враг? — удивился Антипатр.

— Ксениад сам был до смерти испуган поведением своего раба, — ответил Александр. — Он не местный, прибыл в Коринф с Крита, поэтому заговорщикам его не жалко. Даже под пытками купец не смог бы их выдать, потому что вряд ли он состоит в заговоре. Как и Диоген. Они оба — чужаки в Коринфе.

Александр вдруг нахмурился.

— Кто-то ловко использовал Диогена. Насколько я помню его учение, он считает, что то, как человек умер, не менее важно, чем

то, как он жил. Так что кто-то, возможно, подсказал рабу, как тот может умереть от руки царя Македонии и тем дополнительно вписать своё имя в историю.

— Под пыткой раб назвал бы мне имя этого заговорщика, а тот — имена других! — воскликнул Неарх.

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой Антипатр. — Негодяй наверняка ещё утром покинул Коринф.

— Нет, сначала он остался в городе, — уверенно сказал Александр. — Ведь заговорщики рассчитывали, что я в ярости сразу убью наглого раба, и тот не успеет никого выдать. Но теперь-то они все, конечно, уже сбежали из Коринфа.

— А если никакого заговора вообще нет, и раб просто ждал сыновей того купца? — спросил Антипатр. — Ты же сам, игемон, сказал, что наглое поведение Диогена для него естественно, и его хозяин не может быть заговорщиком. Тогда получается, что царь Македонии оставил без наказания публичные оскорбления в свой адрес со стороны какого-то презренного раба!

— Заговор есть, — твёрдо ответил Александр. — Не купец посадил своего раба на моём пути, но есть некто, кто проложил мой маршрут по осмотру Коринфа так, что мы неминуемо должны были встретиться с Диогеном.

— Да с чего ты взял? — воскликнул Неарх.

— Ты разве не слышал речи Диогена против Эллинского союза? — усмехнулся царь. — А ведь он называет себя космополитом! Будучи свободным, Диоген отказался защищать Афины, в которых прожил пятьдесят лет! И вдруг такие упрёки в адрес греков из уст раба. Какое ему дело до Эллинского союза?

— Да, теперь я согласен с тобой, игемон, — покаянно склонил голову Антипатр. — С прискорбием должен признать, что ни я, ни даже царь Филипп не смогли бы распознать антимакедонский заговор в наглом поведении какого-то раба. Твой отец сразу, без каких-либо раздумий и колебаний зарубил бы Диогена на месте.

— Ну и что? — с недоумением воскликнул Неарх. — И я бы зарубил. Какой от этого вред?

— Смерть известного на всю Грецию философа, недавней гордости Афин, а ныне — Коринфа, от руки или по приказанию македонского царя добавило бы нам врагов и, возможно, привело бы в конечном итоге к распаду Эллинского союза и ненужной нам пока войне.

— Но ведь ты сам, Александр, велел мне готовить армию к войне…

— Да, мой друг, — повернулся к скачущему по левую руку молодому военачальнику царь. — Но не со всей Грецией!

Сегодня, Неарх, я одержал сразу две победы: Греция осталась моей, и заговорщики не смогли этому помешать. Запомни, друг, порой словом можно добиться большей победы, чем мечом. Но для полной победы необходимо последовательное сочетание и того, и другого оружия.

Александр повернул голову направо и сказал Антипатру:

— Это хорошо, что Фивы изгнали наш гарнизон. Теперь, когда я официально утверждён гегемоном Эллинского союза, у нас развязаны руки. Завтра же ты сформируешь новый гарнизон для Фив. Собери туда весь сброд, какой найдёшь в нашей армии из числа македонцев, афинян и прочих ненавидящих фиванцев воинов. Но подбери верного мне командира, умеющего держать язык за зубами. Объясни тому задачу: воины его гарнизона должны вести себя в Фивах, как банда грабителей и насильников. Командир в ответ на жалобы местных жителей будет публично порицать нарушителей порядка, но в тайне поощрять их на новые преступления. Мне нужно, Антипатр, чтобы Фивы вновь подняли мятеж и изгнали, а лучше даже уничтожили наш гарнизон. Теперь, когда все положения Эллинского союза подтверждены, нам придётся воевать только с Фивами, а не со всей Грецией. Казна Македонии пуста. Более того, отец оставил мне огромные долги почти в пятьсот талантов[2]! Фивы — богатый город. Взяв его, мы решим сразу несколько проблем.

— Прекрасный план, игемон! — Почтительно склонил голову царедворец.

— А ты теперь всё понял, Неарх?

— Да, мой царь! — радостно воскликнул молодой военачальник. — Мы уничтожим бунтовщиков поодиночке.

— Правильно! Только когда мы раздавим всех заговорщиков, я двину армию на восток, в Персию. А ты, Антипатр, останешься здесь и будешь править моим именем в Македонии и Греции. Только тебе, лучшему и верному другу моего отца, я могу доверить свой тыл.

— Это большая честь, игемон! Я буду тебе верен так же, как был верен царю Филиппу.

Фивы вскоре действительно подняли мятеж против Македонского владычества и призвали Афины и другие греческие города поддержать их. Но никто на их призыв не откликнулся. Фивы пали очень быстро, что изумило всю Грецию. Но ещё более поразило и ужаснуло Элладу то, как обошёлся юный царь Александр с непокорным городом. Тот был полностью разграблен, и все его жители были проданы в рабство. Некоторые греческие города тут же сами нашли и казнили своих заговорщиков и противников Эллинского союза. Очаги возможной

измены были потушены.

Александр расплатился с долгами македонской казны и со спокойной душой двинул армию на восток. Всего за тринадцать лет он создал огромную империю, завоевав и покорив множество народов и государств.

Что удивительно, властелин мира Александр и раб купца Ксениада Диоген умерли, если верить историкам, в один день! Причины их смерти до сих пор точно неизвестны. Но очевидно, что Диоген был прекрасно осведомлён обо всех достижениях Александра, и они вряд ли оставляли его равнодушным.

Ненавидевшие македонских захватчиков коринфяне, а вслед за ними и греческие историки так описали встречу и разговор молодого македонского царя и старого афинского философа:

> «Надменный царь Александр, посетив Коринф, долго ждал, пока знаменитый философ Диоген придёт к нему засвидетельствовать своё почтение, но тот спокойно проводил время у себя. Тогда Александр сам пришёл к Диогену, когда тот сидел и грелся на солнце, и сказал:
>
> — Я — великий царь Александр.
>
> — А я, — ответил философ, — собака Диоген.
>
> Они ещё обменялись парой фраз, и Александр сказал Диогену:
>
> — Проси у меня, чего хочешь.
>
> — Отойди, ты заслоняешь мне солнце, — ответил Диоген и продолжил греться.
>
> Уходя, Александр сказал своим приятелям:
>
> — Если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном».

И вот уже две с лишним тысячи лет историки бездумно повторяют эту лживую сказку, совершенно не задаваясь вопросом: чему, собственно, мог завидовать молодой царь, гегемон Эллинского союза, будущий владыка мира Александр Македонский в судьбе и жизни маргинала и раба Диогена Синопского? Такова сила написанного слова! Не зря русская пословица гласит: «Что написано пером, того не вырубишь топором!»

Про иго

По поводу «татаро-монгольского ига». Нас убеждают, что оно длилось триста лет. Поглядите на детей от смешанных браков. Азиатские гены ВСЕГДА доминируют над европейскими, наглядно отражаясь на внешности: цвет волос, разрез глаз. За ТРИСТА лет ига монголов русские выглядели бы сейчас типичными азиатами. И ДНК-тесты подтверждают отсутствие монгольских генов у русских. Выводы очевидны, но невероятны для либеральных историков и русофобов.

Карбункул

«мягкость горячих прикосновений
твёрдость волнолона»

«Влажно» Гео Шкурупий

Известный в городе поэт Игорь Коломнянин не по возрасту бодрой походкой вошёл в литературный класс гимназии имени Вани Маркова, где уже семь минут назад должна была начаться его встреча с учениками десятого класса. Маленькая, седенькая Клавдия Ивановна, учительница литературы, жившая в одном подъезде с поэтом, давно уговаривала того посетить пенаты родной альма-матер, рассказать её ученикам о своём творчестве и ответить на их возможные вопросы. Ради этой встречи она готова была пожертвовать парой своих уроков. И вот, наконец, свершилось!

Пока Клавдия Ивановна представляла поэта, тот с интересом осматривал мало изменившийся за сорок лет класс — всё те же портреты русских классиков на стене, почти такие же парты, доска, стол учителя. А вот ученики изменились кардинально: никакой почтительности к вошедшей знаменитости и классной руководительнице, довольно громкий гул голосов, смешки, редкие заинтересованные, но в основном равнодушные, а то и презрительные взгляды. Парочка у дальнего окна вообще слилась в долгом поцелуе, и никого вокруг это не смущает!

Окно…

Левое колено поэта неожиданно пронзила фантомная боль, ноги стали ватными, Игорь Сергеевич покачнулся и тяжело опёрся о стол учителя. Это же тот самый класс! То самое окно! Старательно забытые события сорокалетней давности ярко всплыли вдруг в памяти Игоря Коломнянина…

Он тогда ещё не был известным в Коломне поэтом, и звался просто Гарькой Свириным. Более того, в литературе его интересовали исключительно детективы. Игорь успешно перешёл в девятый класс и наслаждался летними каникулами, как вдруг в самом начале августа левое колено его распухло так, что нога с трудом влезала в штанину, а уж о том, чтобы ходить, и речи быть не могло. Кое-как прыгал по квартире от дивана, на котором спал, до туалета и обратно.

— Карбункул, — спокойно сказал вызванный мамой Игоря врач и начал выписывать направление на срочную операцию.

— Как это может быть? — поразился Игорь. — Я же не гусь

какой-нибудь, да и колено — не желудок!

— При чём тут гусь? — в свою очередь удивился врач.

— Ну, про Шерлока Холмса есть такой рассказ, — смутился Игорь. — «Голубой карбункул» называется. Там гусь проглотил драгоценный камень…

— Ах, вот ты о чём! — Врач засмеялся. — Должен тебя разочаровать: в твоём случае карбункул — это не драгоценность, а обширный гнойник. Надо его как можно скорее вскрыть и очистить рану. Через две — три недели будешь бегать, ни один гусь не догонит.

Из-за того проклятого карбункула Игорь потерял самый лучший месяц летних каникул. Из-за него же вместо традиционной поездки с одноклассниками в совхоз на уборку картошки ему вместе с десятком других освобождённых от сельхозработ старшеклассников пришлось помогать учителям готовить школу к новому учебному году. В первый день отработки молодая и красивая учительница, как позднее узнал Игорь, всего год назад окончившая Коломенский пединститут, привела его и двух незнакомых ему девчонок в класс литературы.

— Давайте знакомиться, — сказала она. — Меня зовут Светлана Андреевна, я — преподаю в этой школе домоводство. А вы кто?

— Катя Автаева, — неожиданно звонко представилась длинная, выше Игоря, костлявая и плоская блондинка с собранными в «конский хвост» волосами. — Буду учиться в девятом «А».

— Женя Гуревич, тоже девятый «А», — тихо, чуть ли не шёпотом, сказала низенькая, круглая, как матрёшка, брюнетка с короткой стрижкой «каре» и в очках с толстыми стёклами.

— Свирин Игорь, девятый «В», — буркнул Гарик.

— Замечательно! — Учительница улыбнулась. — С вами, девочки, мы в дальнейшем не раз встретимся на уроках труда, а вот с молодым человеком — вряд ли. Но сегодня вас ждёт одинаковая работа. Как видите, в этом классе три окна, и вас тоже трое. Вы должны привести их в порядок: помыть стёкла, очистить от пыли и грязи рамы и подоконники. Задание понятно?

— Понятно! — бодро откликнулась длинная блондинка.

Брюнетка и Игорь молча кивнули.

— Вёдра и тряпки у завхоза, вода в туалете, — подсказала Светлана Андреевна и ушла.

— Ну, чего стоишь? — неожиданно обратилась к Игорю блондинка. — Иди к завхозу, а мы с Женькой пока переоденемся.

Пожав плечами, Игорь похромал за вёдрами. Он только второй день ходил без палки и всё ещё опасался, что свежий

шрам под коленкой разойдётся, и рана, где недавно был проклятый карбункул, откроется. Однако завхоз дал Игорю только два ведра, заявив, что остальные уже забрали те, кто моет окна в других классах. Девчонок, переодевшихся в спортивные костюмы, эта новость не обрадовала.

— Давайте, вы будете мыть, а я носить воду, — предложил Игорь.

— Размечтался! — фыркнула блондинка. — Что мы — рыжие, что ли? Училка как сказала: нас трое, и окон три, каждому по окну.

— Но вёдер-то всего два!

— И что с того? — не сдавалась блондинка, тряся своим жидким хвостом, оборачиваясь то к Игорю, то к молчащей брюнетке. — Бери себе ведро и чисть вон то, крайнее слева, окно, а мы с Женькой вместе вымоем остальные два. Правда, Жень?

— Как хотите, — вздохнул Игорь и, взяв ведро, пошёл за водой.

О сменке он не подумал, поэтому, вернувшись, просто снял рубашку, оставшись в «школьных» брюках, и принялся за работу. Как и во всех «сталинках», в школе были высоченные потолки и, соответственно, огромные окна. На широченных подоконниках можно было спокойно лежать, не то что стоять. Но проблема была в том, что класс находился на втором этаже, а Игорь с раннего детства боялся высоты. Он легко вымыл с обеих сторон нижние половины стёкол, но никак не мог заставить себя забраться на подоконник раскрытого настежь окна. Стоило ему бросить взгляд на далёкий асфальт внизу, и бездна властно начинала тянуть его к себе, руки судорожно вцеплялись в подоконник, а ноги наоборот — становились ватными.

И вот пришёл момент, когда вернулась учительница. Похвалив девчонок, уже заканчивавших приводить в порядок второе окно, она со вздохом разочарования осмотрела работу Игоря, повернулась к нему, бледному от унижения, и неожиданно улыбнулась.

— Что же это вы, девочки, бросили такого красивого кавалера в одиночестве? Посмотрите, какие у него огромные зелёные глаза! А какие длинные и густые ресницы! Да за такие красивые глаза можно не только окно вымыть…

Девчонки смущённо захихикали, а Игорь из бледного мгновенно стал пунцовым.

— Ну, ладно, помоги-ка мне, — скомандовала Светлана Андреевна, скинула лёгкие босоножки и, опершись на плечо Игоря, ловко вспорхнула на подоконник. — Держи меня, кавалер! — вдруг властно приказала она.

Игорь робко положил руки ей на бёдра, так как до талии достать не мог. Не вставать же ему на цыпочки с больной ногой!

— Крепче держи! — прикрикнула на него Светлана Андреевна. — Ты столько воды здесь налил, что я боюсь поскользнуться.

На учительнице было короткое, скользкое на ощупь платье из тонкой зелёной материи. Оно тесно облегало всё её ладное, классически фигуристое тело, сидело, что называется, «в облипочку». Энергично протирая стекло, Светлана Андреевна то наклонялась к ведру, то вытягивалась струной, и руки Игоря скользили по её бёдрам и стройным гладким ногам и всё время почему-то попадали под коротенькую юбку, задирая её до самых лимонно-жёлтых трусиков и натыкаясь на различные упругие округлости.

Красный, как зрелый помидор, Игорь отдёргивал ладони от горячего женского тела, но Светлана Андреевна тут же прикрикивала на него, чтобы он не отпускал её, держал крепче. Девчонки откровенно хихикали и обменивались какими-то ехидными замечаниями в его адрес.

Поднять глаза вверх Игорь стеснялся и совал руки наугад, и те вновь попадали на округлые места, прикоснуться к которым у женщины он ранее мог только в мечтах. Игорь зажмурился, но от этого стало только хуже, потому что его воображение тут же заработало на полную катушку.

Внезапно он понял, что главный позор ожидает его позднее, потому что брюки спереди ему вдруг стали малы. Утаить этот факт от проклятых девчонок, уже закончивших свою работу и теперь откровенно пялившихся на него, было невозможно, а скоро всё увидит и поймёт учительница.

Казалось, эта сладкая пытка будет длиться вечно, но Светлана Андреевна вдруг села на корточки, плотно сдвинув колени, и положила прохладные влажные руки Игорю на плечи.

— Эй, красавчик, ты что, спишь? — услышал он её голос и открыл глаза. Перед ним в вырезе платья на двух высоких и полных холмах темнел коричневый треугольник, отороченный нежно-белой полоской кожи между границей загара и розовыми чашечками бюстгальтера.

— Помоги-ка мне слезть, — с лукавой улыбкой попросила Светлана Андреевна.

Выпростав дрожащие руки из-под её тесной юбки, Игорь крепко взял женщину за талию и потянул на себя. Та спрыгнула с высокого подоконника, повиснув при этом у Игоря на шее и прильнув к нему всем телом. От её огненно-рыжих кудрей струился сладкий аромат духов, мешавшийся с терпким запахом

разгорячённого женского тела. Игорь содрогнулся от долгожданного чувственного взрыва, и что-то тёплое и липкое потекло у него по ногам…

Ночь Игорь промучился без сна. Одни воспоминания возбуждали его, другие жгли стыдом, подушка казалась горячей, а простыня была влажной от пота. В какой-то момент Игорь твёрдо решил, что в эту школу он больше не пойдёт. Проклятые девчонки наверняка растрезвонят обо всём, что видели, и Игоря просто затравят насмешками одноклассники. Нет уж, пусть родители переводят его в другую школу.

Приняв решение, Игорь почти успокоился и даже начал, наконец, засыпать, как вдруг его пронзила мысль, что он больше никогда не увидит Светлану Андреевну! «Да ведь я люблю её и не смогу без неё жить!» — обречённо понял он и неожиданно заплакал, уткнувшись лицом в подушку, чтобы заглушить рыдания.

Когда солнце осветило опухшее, измятое страданием лицо Игоря, тот взял чистую тетрадь, авторучку и впервые в жизни написал стихотворение. Оно было длинным и сумбурным, в тексте мелькали «Светлана», «Светик», допотопное «Свет очей моих», «любовь» и, конечно, «кровь». С нетерпением дождавшись ухода родителей на работу, Игорь принял прохладный душ, с трудом натянул плавки, из которых вырос два года назад, надел старые, кое-где потёртые и драные, зато просторные «техасы» и чистую пёструю рубашку навыпуск, наспех залпом выпил стакан холодного молока (завтрак, приготовленный мамой, в глотку не лез) и почти бегом поспешил в школу.

Когда он пришёл, в школе ещё никого не было. Минут двадцать Игорь маялся во дворе, поминутно нащупывая в кармане «техас» треугольник любовного послания в стихах и строя планы, как и когда он тайком от других вручит его Светлане. Наконец пришёл завхоз, удивлённо посмотрел на переминающегося у запертых дверей Игоря, потом, вскинув руку к глазам, кинул взгляд на часы и озадаченно хмыкнул.

— Ну, проходи, — буркнул он прокуренным басом, отпирая замки. — Раз уж ты сегодня первый, то и работёнку я тебе подкину завидную.

— Мне бы вёдра, три штуки, — попросил Игорь. — Светлана Андреевна вчера сказала, что мы опять окна мыть будем…

— Вот ещё! — с неодобрительной усмешкой оглядел Игоря завхоз. — Окна, паря, пущай девчата моют, а ты держи вот это.

И он сунул Игорю в руки тяжеленную банку с гудронно-чёрной краской и новенькую плоскую кисть.

— Будешь красить забор вокруг школы. Все от зависти умрут!

«Тома Сойера» смотрел?

— Но Светлана Андреевна сказала…

— С Андреевной я сам разберусь! — отрезал завхоз. — Иди, начинай красить, пока ещё не так жарко.

И Игорь пошёл. В то время ученики ещё не имели привычки спорить с учителями. Этот проклятый забор, вернее — ажурную чугунную ограду, Игорь красил несколько дней. За это время все окна школы были вымыты, отработка закончилась, а любовное послание так и не покинуло карман заляпанных краской «техас». Когда же он в последний день решился дождаться Светлану после работы, та проскочила мимо него, не заметив или не узнав, и запрыгнула на заднее сиденье мотоцикла, прижавшись высокой пышной грудью к спине сидящего впереди лохматого парня. Тот, повернув голову, подставил щёку для поцелуя, затем крутанул ручку газа, мотоцикл взревел и, оставив облако синего вонючего дыма, унёс первую любовь Игоря из его жизни.

Проведя ещё одну бессонную ночь, Игорь сжёг в отцовской пепельнице треугольничек письма и твёрдо решил, что никакого окна не было. Всю отработку он только красил ограду вокруг школы, о чём свидетельствуют заляпанные чёрными кляксами и потёками многострадальные «техасы»…

— Что с вами, Игорь Сергеевич? — пробился сквозь туман воспоминаний тревожный голос Клавдии Ивановны. — Вам плохо?

— Нет, всё в порядке.

Игорь Коломнянин выпрямился, чувствуя, как исчезает фантомная боль в уродливой гусенице старого шрама под левым коленом. Он весело окинул взглядом затихший почему-то класс и, улыбнувшись, сказал:

— Меня часто спрашивали, как и когда я начал писать стихи, и я не знал, что отвечать. Мне казалось, что стихи жили во мне всегда, сколько я себя знаю. Но вот сегодня случилось чудо: я вошёл в этот класс, увидел вон то окно, и карбункул красочных воспоминаний возник в моей памяти…

Ненавижу уколы!

Лет двадцать назад я лежал в больнице. Медсестра привела в палату толпу практикантов из медучилища, и те начали учиться на больных «ставить уколы». Парнишка с соседней койки был первым. Встал, приспустил штаны, ждёт. Подходит девочка, трясущейся рукой втыкает парню шприц, тот дёргается от боли (парень, не шприц!). Девка с испугу вытаскивает иглу из задницы и тут же втыкает её снова! Парень ойкает, девка вновь вытаскивает иглу, не сделав укол. Вся палата замерла в ужасе от происходящего.

Парень поворачивается к бледной практикантке, укоризненно смотрит на неё, а потом снисходительно говорит:

— Ладно уж, коли ещё!

Все в палате ржали минут десять, но я решительно настоял, чтобы укол мне делала медсестра, а не практикантка. С тех пор и ненавижу уколы…

Больничные байки

Инфаркт — это очень больно. Не всегда и не у всех, но мне «повезло». Ранее, когда я читал в книгах, что «сердечная боль — самая сильная», как-то сомневался в этом. Особенно, после того, как испытал всю «прелесть» почечной колики от выросшего и сдвинувшегося камня. Однако теперь я точно знаю — книги не врали.

Инфаркт сразил меня около полудня 8 апреля 2017 года. После срочной операции и обязательных суток в реанимации я очутился в палате № 8 кардиологического отделения коломенской больницы. Здесь было всего пять коек, три вдоль одной стены от двери к окну и две вдоль другой. Вместо шестой койки слева от двери стоял квадратный стол, на столе лежала на боку лишняя (шестая) тумбочка, а на тумбочке пылился небольшой куб телевизора марки «Sony». Никто из нас, жильцов палаты, даже не пытался включать этот телевизор, но почему-то царило общее мнение, что тот не работает.

Я был в палате самым молодым — пятьдесят девять лет. Старше всех оказался дед Лёша, ему стукнуло восемьдесят лет. В коломенский кардиоцентр его привезла «Скорая помощь» из Воскресенска. Константин и Николай прибыли из Луховиц. Первому было шестьдесят шесть, второму — семьдесят два года. Мой земляк Андрей так и не раскололся, сколько ему лет, сказал только, что — седьмой десяток. Кстати, где он живёт и работает, Андрей тоже утаил. Странный человек!

Странный человек

Андрей поселился в палате № 8 раньше всех нас. Это был стройный симпатичный мужчина с шапкой коротко стриженых чёрных волос, чисто выбритый и молчаливый. Словом, никогда бы не подумал, что ему уже перевалило за шестьдесят. Природный это был феномен, или Андрей красил волосы, я так и не понял, а спросить постеснялся. И зрение у Андрея было в полном порядке, судя по тому, что он читал газеты, не пользуясь очками или линзами. Опять же, не знаю, повезло ему с глазами, или он сделал соответствующую операцию по коррекции зрения в клинике.

С соседями по палате Андрей практически не общался, на вопросы отвечал уклончиво и неохотно. Словом, нам так и не удалось узнать у него ничего конкретного.

Когда Андрей впервые при мне встал с кровати и пошёл за бутылкой кефира к стоящему в общем коридоре около двери в нашу палату холодильнику, я был поражён. Он двигался мелкими шажками, ощупывая перед собой пол, как это делают слепые, с помощью деревянной палки, до этого неприметно висевшей на спинке его кровати. Мы все лежали в этой палате после операции стентирования. Так называемые «стенты» мне и Николаю ставили через вену правой руки, а Лёше, Косте и, видимо, Андрею — через вену правой ноги. Соответственно Лёша и Костя хромали на правую ногу, а вот Андрей передвигался странной походкой, словно шёл по льду или узкой доске, поочерёдно передвигая ноги вперёд на величину, не превышающую длину ступни.

— Не пойму, какая нога у тебя болит? — спросил я, когда он вернулся и сел на кровать.

— Дело не в ногах, а в голове, — с непонятной улыбкой ответил Андрей. — У меня «паркинсон».

— Что-то не похоже, — усомнился я.

— У меня не обычный «паркинсон», — всё с той же странной улыбкой пояснил Андрей. Он то ли гордился своей «особостью», то ли отгораживался этой маской от проявлений сочувствия или жалости. — Сильная раскоординация движений. Я могу ходить только по прямой. Стоит хоть слегка скосить взгляд в сторону, и я могу упасть.

Андрей налил себе кефира в кружку и начал пить мелкими глотками, всем видом показывая, что тема его необычной болезни исчерпана.

— Странная у тебя палка, — стараясь разговорить молчуна, всё же сказал я.

— Обычная ветка с куском отходящего сучка вверху, — равнодушно ответил Андрей. — Друг из леса принёс.

На этом наш диалог закончился, так как мой странный собеседник, раскрыв давно прочитанную им газету, дал мне понять, что не расположен к дальнейшей беседе.

На следующий день к Андрею пришла жена. Поздоровавшись со всеми, эта седая полная женщина молча выложила из сумки на тумбочку фрукты, бутылки с кефиром и минеральной водой, баночки с домашней пищей и свежие газеты. Так же молча уложила в опустевшую сумку то, что муж ей вернул. Уходить старушка почему-то не спешила, сидела на стуле и вздыхала.

— Что ещё? — с недоумением посмотрел на жену Андрей. — Дома случилось чего?

— Случилось, — наконец решилась та. — Всё равно завтра тебя выписывают, придёшь домой и всё узнаешь. Так вот, чтобы тебя не хватил второй инфаркт, я лучше скажу сейчас, пока врачи

рядом. У нас неделю назад в большой комнате часть потолка обвалилась…

— Как это? — вскинулся обычно тихий Андрей. — Лепнина, что ли, отвалилась?

— Да.

— Надеюсь, ты из жилконторы кого-нибудь вызвала? Что они говорят?

— Ничего не говорят, — робко взглянула на мужа женщина. — Да я и не звонила им: всё равно, ведь, никто не придёт…

— Как это, не звонила? — взъярился Андрей. — Надо же было акт составить!

— Так оно ж само упало, — робко возразила ему жена. — Никто ж не виноват…

— Вот дура! — грубо выругался Андрей, добавив пару матерных выражений. — Так и хотите меня поскорее в гроб вогнать. Это ж сколько денег теперь на ремонт надо! Где их брать?

— Не волнуйся, мы уже ремонт почти сделали, к твоему приходу всё закончим. Вчера новые обои поклеили…

— Новые обои? — поразился словам жены Андрей. — Вы что, книжные полки сняли?

— Конечно! — Явно удивилась вопросу женщина. — Их же все осколками лепнины и алебастровой пылью засыпало. Часть обоев ещё до этого отошла…

— И ту полку, большую, что я сам делал и намертво к стене прикрепил, тоже сняли? — Всё никак не мог поверить в масштаб бедствия Андрей.

— Да, — кивнула жена. — А как бы мы иначе обои переклеили?

— Дура! — вдруг заорал в полный голос Андрей. — А кто теперь все эти полки назад вешать будет?

— Тебя уж не заставим, не бойся, — горько усмехнулась жена.

— А куда вы дели книги? — вдруг озаботился Андрей.

— Сначала на площадку вынесли, потом постепенно в сарай перетаскали.

— На лестничную площадку?! — Андрей побагровел. — И долго они там лежали без присмотра?

— Да кому они нужны сейчас, твои книги? — отмахнулась жена. — Их, вон, чуть ни каждую неделю у мусорки целыми сумками выбрасывают. Ты ж мусор не выносишь, не видишь…

В ответ Андрей обрушил на жену поток матерной брани. Мы замерли на койках, не веря ни глазам своим, ни ушам. Вот так

«тихоня»!

— У меня там, в книге, деньги большие лежали, — в конце концов, простонал он. — Во втором томе Фазу Алиевой. Что если их кто-то взял, пока книги без присмотра на площадке лежали? Беги скорее в сарай и найди её!

Тяжко вздыхая, бедная старушка взяла свою сумку, попрощалась с нами, поражёнными произошедшей на наших глазах безобразной сценой, и поспешно вышла из палаты.

Андрей бушевал долго. Он больше не кричал, но что-то злобно шипел себе под нос и чуть ли не каждые полчаса звонил жене, задавая один и тот же вопрос:

— Нашла?

Ответ его явно не радовал, так как, выключив телефон, Андрей матерно крыл жену и продолжал злобное шипение.

— Много у тебя книг? — не выдержал я.

— Три тысячи! — гордо ответил Андрей. — Всю жизнь собирал.

Он смотрел на меня с таким превосходством, что я не удержался от насмешливого вопроса:

— И ты их все прочитал?

— Нет, — несколько смутился Андрей, видимо уловив насмешку. — Но многие. В моей коллекции есть и редкие книги.

— А книги наших авторов есть? Коломенцев?

— Есть пара сборников Александра Кирсанова, — снова гордо выпрямился Андрей. — С дарственными надписями от автора. Он часто ко мне приходил, хвастался, что вот ещё одну песню на его стихи кто-то там поёт.

Андрей явно хотел и дальше поговорить на эту тему, но мне он вдруг стал совершенно не интересен. О чём говорить с человеком, который собирает не библиотеку, а коллекцию книг? Который даже не помнит, «кто там поёт» песни на стихи самого известного современного поэта Коломны?

Я и сам всю жизнь при каждой возможности покупаю книги. Когда-то мёрз часами в очередях, чтобы сдать двадцать килограмм макулатуры и получить заветный талончик на приобретение интересной книги. Сколько их сейчас в моей домашней библиотеке, никогда не считал, но вряд ли меньше, чем у Андрея. Есть и с автографами коломенских (и не только) авторов. Была и книжка стихов Александра Кирсанова. Правда, надписал и подарил её Александр Фёдорович не мне (я, как говорится, «тогда ещё пешком под стол ходил»), а моему отцу, бывшему в то время молодым начинающим поэтом. Несколько лет назад я подарил эту книжку коломенской библиотеке имени А.Ф. Кирсанова. Но я не стал рассказывать об этом Андрею, не

желая уподобляться подросткам, меряющимся, у кого кое-что длиннее.

— Три тысячи книг не скоро переберёшь, — сказал я. — Не удивительно, что твоя жена так долго ищет.

И он вновь схватился за телефон…

На следующий день жена Андрея пришла к двенадцати часам, чтобы забрать того домой. Видимо, желая угодить мужу, она принесла тому новенькую палку.

— Хорошая палка! — одобрил подарок дед Лёша. — Раздвижная, под любой рост подогнать можно. У меня тоже такая есть.

— Сколько стоит? — рассматривая палку, сурово спросил жену Андрей. Похвалу деда Лёши он словно не услышал. — Опять зазря деньги тратишь! Знаешь ведь, что мне обязаны палку бесплатно выдать.

— Так ведь не дают, — простодушно заметила жена.

— Верни назад, в аптеку, — раздражённо буркнул Андрей, почти бросив палку жене. — Вечно лезешь, куда тебя не просят! Не нужна мне эта палка.

— Как хочешь, — вздохнула жена. — А возвращать я ничего не буду. Не нравится новая палка, ходи со своей веткой.

— Дура! — возопил Андрей. — Сама, что ль, не видишь, какая она тяжёлая? Попробуй, потаскай такую — все руки оттянешь! Верни, где взяла.

— Сам возвращай! — с трудом сдерживая обиду и возмущение, ответила Андрею жена. — Постеснялся бы, ведёшь себя, как дома…

— Бери сумки, пошли домой. — Встал с кровати Андрей. — Там поговорим…

— Документы твои ещё не готовы, — виноватым тоном ответила жена. — Придётся подождать.

— Как это не готовы? — опешил Андрей. — Почему?

— Не успели. Говорят, после обеда всё оформят.

— Это всё ты виновата! — рухнув на койку, злобно прорычал Андрей. — Я тебе во сколько велел прийти? В одиннадцать! А ты когда заявилась? Сейчас бы уже дома были, а теперь ещё два часа придётся здесь торчать! Специально всё делаете, чтобы меня побыстрее окончательно угробить, о смерти моей мечтаете…

— Ну, хочешь, идём домой, — робко предложила жена. — Рядом же живём! А к двум часам я сюда вернусь за твоими документами.

— Нет уж! — бушевал Андрей. — На тебя ни в чём положиться нельзя. Я сам дождусь и проверю все бумаги.

— Ладно, подождём…

— Зачем ты мне здесь нужна?

— Что ж мне, в коридоре ждать?

— Забирай сумки с вещами и проваливай! Я и сам дорогу домой знаю.

— Как хочешь, — с каким-то даже облегчением сказала бедная женщина и встала со стула.

— И палку эту дурацкую не забудь! — рявкнул Андрей. — Увижу её дома — выкину в окно.

— И за что мне всё это? — с горечью произнесла измученная старушка. — Как же я устала…

Около двери она обернулась к нам, молча наблюдавшим со своих кроватей эту безобразную сцену, и, чуть поклонившись, сказала:

— Выздоравливайте. Всего вам хорошего!

И ушла.

Андрей продолжал матерно крыть жену, замолчав лишь на время обеда. Наконец, медсестра принесла ему оформленные больничный лист и выписку из истории болезни. Андрей тщательно просмотрел их и обнаружил, что больничный лист не закрыт. Трясясь от ярости, он, как мог быстро, вышел своими нелепыми мелкими шажками из палаты и ещё минут десять скандалил в коридоре с медсестрой, дежурившей на посту. Андрей вопил, что ему не нужен открытый больничный лист.

— Его закроет, когда сочтёт нужным, ваш участковый кардиолог, — пыталась вразумить буяна медсестра. — Вы перенесли операцию, дальше у вас должен быть период восстановления.

Однако Андрей не желал ничего слушать и требовал немедленного закрытия больничного. Не знаю, добился ли он своего или нет, но в палату скандалист вернулся мрачным и явно неудовлетворённым. Ни на кого не глядя, он быстро побросал в пластиковый пакет оставшиеся вещи и, постукивая палкой-веткой, двинулся вон.

— Андрей, ты посуду забыл, — окликнул я его уже у самой двери.

— На кой она мне? — не оглядываясь, откликнулся тот. — Кому-нибудь пригодится.

И Андрей окончательно ушёл из палаты и нашей жизни. При знакомстве ни с кем из нас он не здоровался, ни с кем и не простился. На тумбочке остались стоять немытые после обеда две тарелки, кружка и ложка.

— Ну, и дурак! — глядя на них вынес приговор Костя. — Нельзя ничего оставлять в больнице — плохая примета: придётся рано или поздно вернуться. Какой всё же гадостный человечек…

Позднее я убедился, что время оформления выписки и больничного листа не зависит от наличия или отсутствия в больнице родственников пациента. Врачи и медсёстры оформляют все документы сами. Но им, естественно, в первую очередь приходится разбираться с текучкой, своими основными обязанностями. Так что совершенно напрасно Андрей обвинял в задержке жену — та никак не могла ускорить процесс. Трое суток прожил я в одной палате с этим странным человеком и вынужден согласиться с определением, вынесенным ему Костей. А ведь Андрей, в общем-то, не сделал ничего плохого ни Косте, ни деду Лёше, ни мне.

Ангел-хранитель

Николая, занявшего освободившуюся койку Андрея, привезла в коломенский кардиоцентр дочь. Он что-то там делал на своём огороде в родной деревне под Луховицами и вдруг почувствовал сильную слабость. Посидел, отдохнул и продолжил работу на грядках. И опять накатила слабость. Вновь посидел, отдохнул.

Тут приехала из города дочка, чтобы проведать отца и заодно пополнить собственные запасы свежих яиц от домашних курочек, баночек солений из погреба и прочих деревенских вкусностей. Вялый вид обычно весёлого и бодрого отца её встревожил. Дочь чуть ли не силой усадила папу в машину и отвезла в больницу, где обнаружилось, что Николай уже перенёс один инфаркт на ногах, и судя по всему у него вот-вот случится второй! Дочка не стала ожидать приезда «Скорой помощи» и на своей машине немедленно повезла отца в Коломну, где ему сразу же сделали операцию.

Узнав эту историю, я впервые порадовался тому, что для меня инфаркт — это сильная боль. Будь он, как у Николая, в виде приступа сильной слабости, никакую «Скорую» тогда я бы вызывать не стал и вполне мог, как говорится, «отдать концы». Конечно, это просто мечта — умереть легко и без мучений. Но всё же, как ни крути, хочется ещё пожить…

Нашим лечащим врачом была Татьяна Михайловна Лопухина. Официально она работала с восьми часов до шестнадцати, но её голос звучал в коридоре кардиологического отделения порой до половины девятого вечера. Потом она вызывала такси и уезжала домой, в Луховицы, чтобы хоть немного отдохнуть и поспать.

Татьяна Михайловна буквально жила работой, являясь наглядным примером истинного трудоголика. К каждому больному она старалась найти индивидуальный подход, во время

ежедневного медосмотра искала общие темы для разговора, не ограничиваясь чисто медицинской.

К примеру, Николай почему-то протянул Лопухиной для измерения давления правую руку, а не левую, как хотела та. И так как он в это время лежал на кровати, ему пришлось перевернуться «головой в ноги».

— Однажды упал с лошади и сломал левую руку, — пояснил Николай. — Кость чуть не вышла наружу. С тех пор стараюсь эту руку не напрягать.

— А почему упал? — мгновенно заинтересовалась Татьяна Михайловна. — Лошадка была с норовом, или сам не удержался в седле?

— То был жеребец, — уточнил Николай.

— Ага! — Понятливо закивала головой Лопухина. — И где-то недалеко оказалась кобыла…

— Точно! Охолостить жеребца надо было ещё года за два до того случая, да вот не сделали. Мерин бы меня не сбросил.

— Я тоже в детстве мечтала о собственной лошадке, — вздохнула Татьяна Михайловна. — Даже копила на неё деньги. Мне удалось набрать восемьдесят пять рублей. Хватило бы это на покупку лошадки? По тогдашним ценам, конечно. Сорок лет назад.

— Вряд ли, — ответил Николай. — Жеребёнок стоил вдвое дороже.

— Значит, только на пол жеребёнка накопила? — удивилась Лопухина. — Ну, да всё равно не сложилось. Мои родители были на кухне, когда я принесла им деньги и попросила купить на них мне лошадку. Они не отказали мне. Счастливая, я ушла в свою комнату. А в нашем доме была одна особенность: почему-то в моей комнате было отчётливо слышно всё, что говорилось на кухне. И я услыхала, как мой папа сказал маме, что ему, видимо, придётся теперь менять специальность и работу. Стать егерем или лесничим, чтобы было, где и на что содержать лошадь, так как в городе она совершенно бесполезна и ничего, кроме хлопот, не принесёт.

Я была так поражена готовностью моих родителей полностью изменить свою жизнь ради моего каприза, что разревелась, ужаснувшись собственному эгоизму. Словом, я вернулась на кухню и твёрдо объявила, что передумала заводить лошадку.

150 на 90, давление ваше мне не нравится, да и пульс учащён…

Так, посмотрим результаты анализов. Слушайте, у вас, похоже, ещё и подагра!

— С ногой какой год маюсь, — признался Николай.

— А чего же не лечите? — удивилась Татьяна Михайловна. — Я последний раз подагру встречала лет двадцать назад у одного древнего деревенского старичка. Эта болезнь давно и довольно легко лечится. Вы к врачу обращались?

— Обращался…

— И что?

— Ничего. Посмеялся только. Сказал, подагра — королевская болезнь, а я всю жизнь станочником на заводе работал…

— Что ж это за врач-то у вас там такой? — возмутилась Лопухина, с трудом не употребив матерный эпитет. — Кстати, знаете, почему подагра называется королевской болезнью?

— Нет.

— В Средние века только короли и их окружение ели много красного мяса и пили много красного вина. Простые люди не могли себе этого позволить, потому и не болели подагрой.

— По-королевски жрёшь, Коля! — Хмыкнул, ухмыляясь, Костя. — А мужики-то и не знают, думают, ты в своей деревне одними огурцами пробавляешься.

— Да ем, как все, — смущённо сказал Николай. — Вино так вообще почти не пью, разве что по праздникам немного.

— Не обращайте внимание. — Похлопала его по руке Татьяна Михайловна. — Это прекрасно, что люди стали лучше питаться, и исчез дефицит продуктов. Во всём, конечно, мера нужна. Ну да ладно, не переживайте, мы вас и от подагры вылечим. Это — пустяки! Главное, что дочка вовремя доставила вас к нам. Ещё бы немного, и было бы поздно. Кстати, вам надо будет в течение ближайших трёх-четырёх недель сделать такую же операцию ещё на двух сосудах. Мы исправили самый плохой и тем самым спасли вам жизнь. Но каждый из двух оставшихся проблемных сосудов в любой момент может спровоцировать новый инфаркт.

— Так, может, прооперировать их прямо сейчас, пока я здесь?

— Нет, в нашем центре делают только срочные операции, необходимые для спасения жизни пациента, — пояснила Татьяна Михайловна. — Все плановые операции проводятся только в московских клиниках. Им на эти цели выделяют деньги из бюджета и гранты. А в нашей больнице и на срочные операции порой средств и материалов не хватает. В точно таком же положении находятся и прочие подмосковные кардиоцентры: в Егорьевске, Подольске, Мытищах и Красногорске. Мы просто физически не можем поставить одному человеку более одного стента и тем самым лишить шанса на спасение других больных.

У нас нет денег даже на обычную зелёнку и бинты, не говоря уже о необходимых больным после операции лекарствах. Я каждое утро перед работой сначала захожу в аптеку,

расположенную у входа на территорию больницы, и покупаю таблетки. Самые дешёвые, но не менее эффективные, чем дорогие импортные аналоги. Делаю я это не ради вас и не по доброте душевной, а ради себя. Не хочу, чтобы мои пациенты умирали из-за того, что в больнице нет необходимых лекарств. И так поступаю не только я. Сегодня, например, в соседнюю кассу в аптеке стоял врач из хирургического отделения. У него назначено на утро несколько операций, а снабженцы закупили вместо взрослых катетеров детские. А в Москве всё есть, и аппаратура качественней. Правда, и операция стоит очень дорого…

— А если мы сами всё купим: и стенты, и прочее? — с надеждой спросил Николай. — И ваш хирург сделает мне плановую операцию. От Луховиц до Коломны всего полчаса езды, а до Москвы — почти три, и это ещё если в пробку не попадёшь.

— Ну, попробуйте поговорить с хирургом, — с сомнением произнесла Лопухина. — Но вряд ли он согласится. Кто сейчас захочет рисковать своим местом, нарушая установку начальства отправлять всех на плановые операции в Москву? Вот разве только вы упадёте на улице, разыграв начало инфаркта, прохожие вызовут «Скорую», и та доставит вас к нам…

Однако вряд ли вам удастся обмануть врача в Приёмном покое. К тому же, даже в случае удачи, вам прооперируют только один сосуд, а нужно два. Лучше я дам вам завтра адреса московских клиник, пусть ваша дочь созвонится с ними, узнает условия. Может, вам повезёт, и вы попадёте в какую-нибудь благотворительную программу, и тогда вам всё сделают бесплатно. И не тяните с этим, сосуды ваши в очень плохом состоянии.

— Сосуды в плохом состоянии, — покорно повторил Николай.

— Ну, теперь посмотрим ваши анализы.

Татьяна Михайловна пересела на койку Константина.

— Не очень-то они радуют. Вам надо бы прокапать несколько капельниц, да вот проблема: у нас таких нет, да и физраствор кончился. Что будем делать?

— Напишите название, чего надо, — с деланной улыбкой сказал Костя. — Через полчаса дочка всё привезёт.

— Лучше дайте мне её телефонный номер, я ей СМС пошлю, чтобы ничего не перепутала.

Потом Татьяна Михайловна писала моей жене, какие таблетки надо купить и привезти, и слала СМС дочке деда Лёши…

Костя

Заядлый матерщинник Костя почти двое суток пролежал в луховицкой больнице, прежде чем там поняли, что у него не просто высокое давление, не желающее спадать, а развивающийся инфаркт. Как только до врачей это дошло, Костю тут же на «Скорой» доставили в Коломну и положили на операционный стол. И вот теперь он лежит в нашей палате № 8 на правой койке у окна и жизнерадостно орёт, отвечая на звонки сотового телефона:

— Смольный на проводе! Что делаю? Лежу, а что же ещё тут делать-то?

Костя ныне — весьма уважаемый глава рабочей династии. Его отец работал на луховицком авиазаводе, сам Костя и его жена отдали заводу всю жизнь, двое их сыновей тоже пошли по стопам деда и отца, и подрастающий внук, отдавая должное смартфонам и планшетам, пока видит своё будущее только в цехах авиазавода. И только дочка Кости умудрилась откосить от семейной традиции, устроившись на работу в один из отделов луховицкой Администрации.

Учитывая столь многочисленный состав семьи, телефон у Кости звонил часто, и шутка про «Смольный» вскоре начала надоедать всем, в том числе и тому, кто её неизменно повторял. Кроме родственников Косте звонила и масса друзей. Он оказался очень талантливым и востребованным механиком. Мог починить, что угодно, от велосипеда до навороченной иномарки.

— А меня с самого детства тянуло к технике, — рассказывал он. — Я ещё в школу не ходил, а уже помогал отцу ремонтировать мотоцикл.

— Слышь, Кость, когда выйдем отсюда, посмотришь мой мотоблок? — спросил Николай. — Чего-то не хочет заводиться, зараза!

— Импортный, что ль?

— Импортный.

— Они ж, сволочи, специально ставят там пластиковую детальку, которая через год работы обязательно ломается. А запчасти фирма-изготовитель в Россию поставлять отказывается. Смекаешь?

— Смекаю, запчасти поставлять отказывается, — покорно согласился Николай. — Сезон всего и проработал мотоблок…

— А на кой ты его брал? Пришёл бы ко мне, я б тебе сделал. Я столько этих мотоблоков и мини-тракторов понаделал — все окрестные деревни и сёла обеспечил. По собственной конструкции! И никто пока не жаловался.

— Да мне его дочка с зятем подарили, — с досадой ответил Николай. — Так починишь?

— Привози, — флегматично произнёс Костя. — Не ты первый, не ты последний. У меня дружбан один на заводе этих деталек уже не один десяток выточил. Мой ученик, между прочим.

— А из чего ты трактора делаешь? — спросил вдруг дед Лёша.

— Из подручных материалов, — усмехнулся Костя.

— Из каких это?

— Завод же рядом! — снисходительно пояснил Костя. — Там новейшие самолёты делают, а уж мотоблок или мини-трактор сварганить — раз плюнуть! Все необходимые материалы имеются.

— Но ведь авиазавод — военный объект! — Всё ещё не мог поверить Лёша. — Там же охрана.

Николай с Костей дружно рассмеялись.

— Конечно, там охрана, — согласился Костя. — Вышки и забор высокий. А в заборе кое-где есть дыры или подкопы. А у охранников глаз на затылке нет. Я ещё тогда, когда пацаном на завод пришёл, несколько лазов наружу узнал. Потому что в СССР было много праздников, главные из которых — аванс и зарплата. А праздники принято отмечать. Вот меня и посылали за «горючим» как самого молодого и шустрого. Мужики со всего цеха скидывались, давали мне мешок, и мы вдвоём с напарником шли к лазу в стене. Напарник следил за охранником и подавал мне знак, когда тот смотрел в другую сторону. Я быстренько в этот момент лез в дыру. Либо наружу, либо уже назад, стараясь не звенеть мешком с бутылками вина, купленными в ближайшем сельпо.

Правда, продавщицы быстро скумекали, как на нас выполнить план, и стали вместо дешёвого вина завозить в магазины сначала водку, а потом коньяк и литровые бутыли кубинского рома. Пришлось перейти на местное сырьё. В некоторых устройствах в самолёте применяется спирт. Вот его и начали потихоньку сливать и употреблять. Кто-то из заводского начальства даже предлагал добавлять в этот спирт какое-то вещество, чтобы того, кто выпьет тут же вывернуло наизнанку. Но с этим решительно не согласился представитель заказчика.

— Что если во время полёта случится утечка? — спросил он. — Лётчик надышится испарениями вашей гадости и начнёт блевать! И сам может погибнуть, и самолёт погубит.

Так ничего и не решили. Так что, Лёша, и тогда, и сейчас: всё, что мне надо, я с завода вынесу.

Кукурузина

— Что, Кость, надо чего? — спросил Николай.

— Да вот, «утку» эту чёртову достать не могу, — шаря под кроватью, прохрипел Константин. — Выскальзывает, зараза! После этих капельниц никакие мочегонные не нужны.

Николай подошёл к нему, достал из-под кровати сосуд из толстого зеленоватого стекла и взвесил его на здоровой руке.

— Да, тяжёлая штука. Может, тебе лучше мою посудину взять? Мне она ни к чему.

Николай вернулся к своей кровати и достал пластиковую бутыль, по форме напоминающую ёмкость из-под тосола.

— Вот, держи. Лёгкая, не то, что твоя. Отверстие, правда, чуть уже, чем у «утки». Примерься, не маловато ли для тебя?

— В самый раз. Я ж не Валера Кузин.

Костя с довольным видом зажурчал.

— Ты не Валера Кузин, — эхом откликнулся Николай. — А кто это?

— Я с ним одно время вместе работал, лет сорок назад. Частушку про него тогда пели:

«Не ходите, девки, замуж
За Валеру Кузина.
У Валеры Кузина
Большая кукурузина!»

— Большая кукурузина, — привычно продублировал слова собеседника Николай. — Но то, вроде, про Ивана пели…

— У нас был Валера, — пояснил Костя. — Вот частушку и переделали.

— Что, действительно большая была? — заинтересовался дед Лёша.

Костя подвесил потяжелевший сосуд за ручку на спинку стула, чтобы не шарить в случае надобности под кроватью, и удовлетворённый откинулся на подушку.

— У коленок болталась, — хмыкнул он. — Не повезло мужику…

— Не повезло мужику, — откликнулся Николай.

— А почему? — с интересом спросил дед Лёша. — Девки, небось, табуном бегали…

— Бегали, — охотно согласился Костя. — А толку? Встретил я его недавно. В одной палате лежали в Луховицах, пока меня сюда, в Коломну, не перевели. Один этот Валера Кузин живёт, ни семьи, ни детей, ни внуков — никого нет! Не то что девки, но и бабы как увидят его «дуру», сразу убегают. Нет, любопытные шалавы, конечно, к нему в койку набивались, но и они встречаться второй

раз уже отказывались. Так и «кукует» мужик в одиночестве…

— Так и кукует в одиночестве, — посочувствовал Николай.

— Да если б дело только в бабах было! — воскликнул неожиданно Костя. — Те же трусы ему приходится по заказу шить. Семейные-то давно не выпускают!

— Семейные давно не выпускают, — подтвердил Николай.

— А сколько обычных для нас радостей мимо него прошло! — Не унимался Костя. — С этой болтающейся меж ног «дурой» Кузин даже бегать не может — мешает! Значит, детские игры, коньки и лыжи не для него. Про плавание уж и говорить нечего.

— Да, — согласился Николай. — Про плавание и говорить нечего.

— Но самое главное неудобство — туалет! — провозгласил Костя. — Это у себя в деревне Валера сделал сортир под себя. А в городе как ему быть, если приспичит по большому? На работе там или в той же больнице. «Дура» его в унитаз не вмещается, и наружу её выставлять тоже опасно — ну как моча пойдёт? Ведь, не удержишь!

— Не удержишь, — согласился Николай.

— В луховицкой больнице врач увидал, как Валера мучается, пытаясь одновременно использовать «судно» и «утку», и предложил ему сделать операцию: привести размеры его «дуры» к нормальной величине.

— И что, согласился? — не удержался от вопроса дед Лёша, с неподдельным интересом слушавший рассказ Кости.

— Нет, отказался. Вот если б ранее, сказал, а теперь-то, на седьмом десятке, зачем?

— Да, — донеслось «эхо» от Николая. — На седьмом десятке зачем?

И мы все погрузились в размышления. Видимо, о том, как нам повезло в отличие от Валеры Кузина.

Дед Лёша

Дед Лёша и сейчас в свои восемьдесят лет выглядит богатырём: высокий, с мощным торсом и сильными руками. Бритая наголо голова плавно переходит в широкие плечи, образуя некую «головогрудь». Зад тоже внушает уважение своими габаритами, но при этом таз всё же уже плеч. И вся эта «конструкция» уверенно и прямо держится на паре крепких ног.

Свои недуги Лёша переносил с огромным трудом. Всю свою долгую жизнь он никогда ничем не болел. И лишь последние два года его богатырский организм стал сдавать. Сначала

неожиданно скрутил геморрой. И это было бы вполне естественно ранее — Лёша всю жизнь провёл за баранкой автомобиля. Но теперь, когда он уже давно неработающий пенсионер? С какой стати? Как бы там ни было, геморрой Лёша вроде бы залечил, по крайней мере тот перестал себя проявлять.

Следующей напастью стало резкое ослабление зрения. Пришлось заменить в клинике сначала хрусталик одного глаза, а через некоторое время — второго. И как-то так получилось, что искусственные хрусталики оказались разного размера, и теперь, когда Лёша смотрит на тебя, понимаешь, что у него один глаз больше другого. Однако на качестве зрения данное обстоятельство никак не сказывается, что несколько осложнило жизнь Лёшиной жены.

— Представляете, — как-то пожаловалась она нам. — Раньше, даже в очках, он ничего не замечал, и я жила спокойно. А теперь он видит всё и постоянно мне тычет: здесь пыль не так вытерта, там какая-то бумажка валяется… Замучил! А у меня ноги больные, лишний шаг ступить трудно. И чего ты мне звонишь каждый час? — спросила старушка Лёшу. — Я от каждого твоего звонка сама чуть инфаркт не получаю: думаю, что с тобой ещё что-то случилось. Чего ты мне названиваешь? У тебя же всё есть, дочка продукты каждый день возит, нужные лекарства — тоже. Зачем ты меня сегодня вызвал? Думаешь, мне с моими ногами легко сюда добираться да ещё на третий этаж карабкаться?

Дед Лёша только довольно улыбался и ничего жене не отвечал. При ней он будто забывал о своих болячках. Или они забывали о нём, переставали его мучить.

Но не будем забегать вперёд. После геморроя и ослабления зрения о себе заявила простата, вылечить которую врачам не удалось. И вот, наконец, мы добрались до недуга, из-за которого дед Лёша из своего дома в Воскресенске попал в палату № 8 Коломенского кардиоцентра.

— Сидели с женой на диване и смотрели телевизор, — рассказал он. — Внезапно мне стало трудно дышать, жена вызвала «Скорую», и та немедленно доставила меня сюда, в Коломну. Сразу же сделали операцию, и вот я здесь.

Так получилось, что лекарства от инфаркта спровоцировали обострение геморроя! И вскоре дед Лёша лёг и начал крутиться с боку на бок на койке, громко стонать и чуть не плакать, как ребёнок. Потом опять сел и взял с тумбочки пластиковую крышечку от бутылки с водой. В таких крышечках медсестра трижды в день приносила каждому из нас назначенные доктором лекарства.

— Таблетки! — с явным отвращением произнёс дед Лёша и

проглотил сразу всю горсть пилюль. — Одно лечат, другое калечат.

Вот в Азии я видел, как местные мужики змей ловят. Есть там такая маленькая и жутко ядовитая змейка, название которой в переводе на русский язык означает «голова-хвост» или что-то похожее, я уже сейчас точно не помню. У неё очень трудно на глаз определить, где голова, а где хвост — уж очень они похожи.

Так вот, поймав эту тварь, змеелов загоняет её в обычную стеклянную бутылку, затыкает горлышко и оставляет на солнце. За несколько дней на жарком азиатском солнце змея высыхает, как мумия. Змеелов везёт эту бутылку в город и продаёт на базаре за очень большие деньги. Потому что лекарство, приготовленное из таких высушенных змей, лечит чуть ли не все болезни, особенно — бесплодие у женщин.

Змею измельчают в порошок, добавляют его в муку, пекут хлеб или пироги, которые и дают больным. В похлёбку ещё добавляют в качестве приправы. И люди выздоравливают! А я эти проклятые таблетки пью уже который день, а толку нет, зато геморрой вот опять мучить начал…

— А ты напиши своим азиатским друзьям, — посоветовал Костя. — Пусть пришлют тебе такую бутылку со змеёй.

— Поздно, — сокрушённо покачал лысой головой дед Лёша. — Раньше я просто подходил к проводнику поезда «Москва — Ташкент» и отправлял с ним посылочку, а там его уже встречали мои друзья. Или сам у него получал подарок из Узбекистана. А теперь никто из проводников связываться с такими посылками не хочет. Запугали их очень из-за наркотиков и террористов. Так на границе проверяют, что никто и не пытается что-либо спрятать. А уж когда нескольких посадили за контрабанду наркотиков, то и вовсе никто слышать о передаче посылок не хочет. И ведь не знали те, кого посадили, что наркотики везут. Их же внутри фруктов и орехов спрятали! Так скорлупки, говорят, склеили, что и не догадаешься. А как доказать, что ты не знал про наркотики?

А если не наркотики, а бомбу подсунут под видом дыни какие-нибудь террористы? Да ещё взорвут её вместе с твоим вагоном и тобою! Нет, никто из проводников сейчас никаких посылок передавать не берётся, ни за какие деньги…

— А по почте?

— Почта таких посылок не принимает. Да я ею и не пользовался никогда — разве что письма слал. А сейчас зачем что-то писать, если у всех сотовые телефоны есть? Ох, и больно же! Ой, мамочка! — необычным для него тонким голоском подвывал Лёша. — Да что же это такое? Когда ж оно кончится? А

почему в такие моменты зовут маму? — вдруг спросил он.

— А кто ж ещё пожалеет, если не мама? — ответил я.

— Кто ж пожалеет, если не мама? — поддержал меня Николай.

— Да? — неуверенно промолвил дед Лёша и как-то странно посмотрел на нас.

Между прочим, за всё время нашего совместного проживания в палате № 8 он рассказывал нам о многих событиях в своей долгой жизни, а вот о родителях не сообщил ничего. Мельком упомянул пару раз об отце, но вот о матери не сказал ни слова. В день знакомства Николай спросил его, откуда он родом, потому что в речи деда Лёши явно слышался какой-то странный акцент.

— Не знаю, — кратко ответил Лёша и поспешил сменить тему.

Диля

Утром в палату вошла санитарка, чтобы сделать влажную уборку: помыть пол, вытереть пыль с мебели. Она оказалась узбечкой, лет сорока — пятидесяти. Дед Лёша что-то сказал ей, та ответила, завязался диалог, из которого мы поняли только три слова: Бухара, Ташкент и самосвал. Когда санитарка ушла, я спросил Лёшу, откуда он знает узбекский язык?

— Перед самой войной мы с отцом переехали из Запорожья в Ташкент, — ответил тот.

Я удивился двум вещам: во-первых, выходит, Лёша всё же знал, откуда он родом, а во-вторых, учитывая его возраст (восемьдесят лет), тот перед войной должен был быть совсем маленьким ребёнком и, следовательно, очень зависеть от матери. Почему же он говорит только об отце? Но я не успел задать свои вопросы, так как дед Лёша вдруг очень возбудился, даже встал с кровати и с явным возмущением выдал такую речь:

— Вы знаете, что узбеки во время войны приняли в свои семьи десятки детей, эвакуированных из России, Украины и Белоруссии? Растили их наравне со своими, кормили, одевали, ни одного не бросили погибать от голода и холода. А ведь им и самим в то время жилось нелегко! И вот теперь, когда узбеки приезжают за помощью сюда, в Россию, их здесь презирают и обзывают «чурками»!

Вот Диля, например, что сейчас тут была. Она закончила институт в Бухаре, работала журналистом, а теперь вынуждена днём мыть полы в коломенской больнице, а вечером подрабатывать судомойкой в каком-то кафе. Муж её работает на

стройке шофёром самосвала. Почти все заработанные деньги они отсылают домой на содержание родителей и троих детей. Работают, между прочим, каждый день, без праздников и выходных, как какие-то бесправные рабы! А если будут возмущаться, их немедленно уволят, ведь на их место легко найти других таких же гастарбайтеров. Вот такая «благодарность» за помощь беженцам во время войны…

— Ты, Лёша, как говорил Райкин, «в принципе — прав, но по существу — глубоко ошибаешься», — не выдержал я, в то время как остальные молчали, отводя глаза. — Не надо упрекать русских в неблагодарности. Мы вбухали в эти азиатские испокон веков нищие земли и народы миллиарды рублей и труд миллионов наших людей. И в царское время, и в советское. Особенно во времена СССР все эти республики буквально сидели на нашей шее. Мы дали им всё, что имели сами: всеобщее образование, бесплатную медицину, построили города и промышленные предприятия, оросили пустынные земли, уровняли в правах со всеми гражданами Советского Союза!

— Чепуха! — рявкнул Лёша. — Во времена СССР все работали, все строили каналы и заводы, не только русские.

— Все строили, — подтвердил Николай.

— Конечно, работали все, — согласился я. — Но на чьи деньги? Кто оплачивал материалы, механизмы, труд инженеров и рабочих?

— Что, одни русские что ли? — Набычился Лёша. — Узбеки, киргизы и казахи тоже работали!

— Разве я спорю? Работали, конечно, но их труд давал в общий союзный бюджет весьма малую долю в сравнении с Россией. А почему же, по-твоему, все эти народы и их ныне самостоятельные республики враз обнищали, как только вышли из состава СССР и выгнали со своей территории сотни тысяч русских? Заметь — именно они, узбеки, казахи, киргизы и прочие, «освободившиеся от русского гнёта и эксплуатации», как они говорят, выгнали русских, а мы их принимаем, даём работу и не гоним вон из России! Так кто же на самом деле проявляет явную неблагодарность? Вот эта Диля, о которой ты так страстно печёшься, почему она приехала на заработки в Россию? Да ещё с мужем? В свободном от русских Узбекистане не нужны журналисты и шофера? Там перестали выходить газеты и остановились стройки? Говорят, сейчас в России миллионы гастарбайтеров из бывших советских республик. Не мы же, русские, к ним едем, а они к нам! Так кто же кого кормил, одевал и содержал?

— Ну, может быть в чём-то ты и прав, — сбавил тон дед

Лёша. — Но обидно за тех узбекских женщин, которые приняли во время войны русских детей, а теперь их здесь презрительно зовут «чурками»…

— Конечно, обидно, — согласился я. — Но тех ли женщин так зовут? Я уверен, те узбекские женщины и мужчины никогда не покидали свои дома в поисках лучшей доли на чужбине. Они жили, работали и умирали на своей родине. На таких людях, как говорится, земля держится, они — соль земли! Их всегда и везде уважали и будут уважать. Презирают тех, кто, как перекати-поле, постоянно ищет лучшей доли, легко меняя родину на чужбину. Такие и среди русских встречаются, таких и у нас не любят. А раз не уважают своих «искателей лёгкой жизни», то с какой стати уважать чужих? Ты у себя построй лучшую жизнь, вот тогда тебя будет за что уважать, и вряд ли у кого язык повернётся обозвать «чуркой» или ещё как. Ну, за что мне уважать эту Дилю? Ты видел, как она работает?

— Хорошо работает, старательно, — вскинув голову, ответил Лёша. — И пол помыла, и пыль протёрла.

— Хорошо, говоришь? Да, она и пол помыла, и пыль протёрла. И работала в резиновых перчатках. А ты заметил, что твоя Диля руками в этих же перчатках и половую тряпку отжимала в ведре и расправляла на полу, чтобы надеть на швабру, и тряпку макала в ёмкость с водой или дезинфицирующим раствором, чтобы пыль стереть с ваших тумбочек и розеток с выключателями? Я ей свою тумбочку протирать не дал, у меня на ней, как и у вас, посуда стоит и таблетки лежат. И как мне после такой «гигиенической» уборки называть эту Дилю?

— А ведь она и мои тарелки этими же перчатками брала, — ошеломлённо выдохнул Костя. — Вот ведь…

И он выдал длинный многословный матерный аналог слова «чурка».

Проблема стула

— Поднимите руку, кто уже три и более дня не ходил в туалет по большому? — закончив обход нашей палаты, вдруг спросила Татьяна Михайловна.

Чуть поколебавшись, я поднял руку. Публично обсуждать столь интимную вещь мне было неудобно, тем более, что до неожиданного вопроса Лопухиной я вообще отсутствие стула и за проблему-то не считал. За более чем полвека своей сознательной жизни мне трижды довелось полежать в больнице. И каждый раз в

первую неделю нахождения в палате, я тоже не рвался в туалет, чтобы облегчить свой кишечник. У меня просто не возникало такого желания, и я считал, что всё в порядке. Раз организм сам не хочет, то и проблемы нет.

— Вечером получите двойную дозу магнезии, — безапелляционно заявила мне Татьяна Михайловна.

— Зачем? Если б я хотел, но не мог, это — одно. Но мне же просто не хочется…

— Ваше желание тут не при чём, — решительно отмела мои робкие возражения Лопухина. — Кишечник надо очищать регулярно, иначе кал окаменеет, и у вас начнутся новые серьёзные проблемы. Вы знаете, что под конец жизни в организме некоторых людей скапливается до двадцати пяти килограммов каловых масс?

— До двадцати пяти килограмм скапливается, — эхом откликнулся Николай, поражённо глядя на меня.

— Словом, я дам указание медсестре насчёт магнезии для вас, — решительно закончила прения Татьяна Михайловна.

Откровенно говоря, мне решительно не хотелось мучить свой организм ударной дозой слабительного. Тем более, на ночь. Я страстно возжелал, чтобы до вечера всё произошло естественным путём. Но день шёл, а мой кишечник по-прежнему не выказывал ни малейшего желания к опорожнению. Идти же в туалет, чтобы тужиться там в попытках хоть что-то выдавить из себя, после недавнего инфаркта мне было категорически противопоказано. Не хватало ещё сдохнуть прямо на толчке!

Вечером дежурная медсестра принесла две ампулы магнезии и проследила за тем, чтобы я полностью выпил их содержимое. С неприятным предчувствием и мерзким послевкусием во рту, я лёг спать.

Ночь прошла спокойно. И день тоже! Тут уже я сам забеспокоился. Ведь выпил двойную порцию слабительного, а результата нет. Вечером, отбросив стеснительность, я объяснил ситуацию дежурной медсестре и попросил дать мне тройную порцию магнезии. Что б уж наверняка! Та пожала плечами и принесла три ампулы.

Ночь опять прошла спокойно. Первая половина дня тоже. И вдруг, во время обеда, я почувствовал, что пора срочно бежать в туалет. Началось! Конечно, бежать после операции я не мог, но доковылять успел. И кабинка оказалась свободна. Когда процесс пошёл, я испытал чувство, близкое к кайфу. Но он всё шёл и не прекращался. Невольно я вспомнил слова Фаины Раневской: «Сколько же в человеке говна!». Наконец извержение закончилось, и я с изумлением увидел в унитазе серую пирамиду, не

достающую своей вершиной до сидушки буквально нескольких миллиметров.

Лёгкий, как пёрышко, я вернулся в палату и доел обед. А через полчаса вновь поспешил в туалет. На этот раз «порция» оказалась чуть меньше. В палату я вернулся уже без чувства прежней лёгкости, и даже испытывая некоторую усталость. И через час разбушевавшийся кишечник вновь направил меня по известному маршруту. На этот раз объёмы извергнутого оказались в пределах нормы, но общее количество явно превышало всё, что я успел съесть за время нахождения в больнице. Новые позывы я успешно подавил, а в последующие дни мой «стул» пришёл в норму.

Вернувшись из больницы домой, я встал на весы. За полторы недели мой вес уменьшился на пять килограмм! Понятно, что серьёзную роль в этом сыграли болезнь и больничная еда, но, уверен, и ударная доза магнезии внесла свою лепту, освободив мой организм от застрявших в нём ранее каловых камней. Может тем, кто в желании похудеть мучает себя различными диетами, просто нужно регулярно попринимать магнезию?

Вот как люди умеют…

— Чуть ли не каждый год нам в колхоз пригоняли новую технику, — сказал Николай. — Просто заставляли брать! А у нас старая ещё вполне на ходу была. Зимой в ангарах хранилась, на дожде и снегу, как у других, не ржавела. Ан нет: раз запланировано, старую технику списать, новую принять! Прямо сердце кровью обливалось, когда приходилось трактора и комбайны в старые силосные ямы загонять и засыпать землёй.

Потом уже, когда колхозы распустили, знающие люди эти захоронения раскопали и сдали технику на металлолом. Тем и жили…

— Да что там ржавые трактора! — как обычно перемежая свою речь матерными дополнениями и определениями, цитировать которые я не буду, вклинился в разговор Костя. — Помнишь, Коля, у нас на заводе памятник обновили? Тот, у которого все торжественные мероприятия проводят. Старый самолёт заменили на новый истребитель.

— Конечно, — откликнулся Николай. — Старый истребитель заменили новым.

— Так вот, самолёт тот, который с пьедестала сняли, отвезли в ближайший лесок и оставили на полянке, которую не видно с дороги. Неделю или две он там простоял, я сейчас точно не

помню. Жители окрестных деревень, конечно, что смогли с него сняли. А потом Петрович из Дирекции, заварivший всю эту кашу с обновлением памятника, пригнал на ту полянку грузовик с компрессором. Мужики, не бесплатно, конечно, порезали тот самолёт на куски, погрузили в грузовик, и находчивый начальничек сдал свою добычу в пункт приёма цветных металлов. Истребители-то не из чугуна делают!

Дом трёхэтажный Петрович после этого отгрохал и крутые тачки купил себе и жене. И ведь вором или мошенником его не назовёшь! Во как люди умеют…

— Да, во как люди умеют, — осуждающе покачал головой Николай. — А ты-то, Костя, откуда про всё это знаешь?

— Так я того Петровича всю жизнь знаю! Мы с ним почти соседи — его дом через два от моего. Да и на заводе сталкивались. Я когда после армии на завод вернулся, Петрович у нас в цеху освобождённым парторгом был. Мы его редко видели, пока он не начал крутить шашни с нашей табельщицей. Грудастая такая деваха была, Зинка-Сиська её звали. Вот Петрович и повадился к ней в табельную чуть ли не каждый день нырять. В парткоме его ищут, секретарше начальника цеха звонят, а та ничего ответить не может, и сотовых телефонов тогда не было.

— Сотовых тогда не было, — кивнул Николай.

— Ну и придумал Петрович для начальства своего отмазку, что дисциплину и качество труда у нас в цеху хочет поднять на должный уровень, а потому после посещения Зинки обязательно пёрся в цех и к кому-нибудь из рабочих придирался. Особенно почему-то меня любил воспитывать.

Ну и однажды, когда Петрович вновь ко мне прибодался из-за какой-то ерунды, я разозлился и решил ему отомстить. А у Петровича этого жена страсть какая ревнивая была! Поэтому, чтобы не нарываться, тот после шашней с Зинкой обязательно мылся в нашей цеховой душевой. Избавлялся от Зинкиных ароматов, запаха духов там и прочего. А с мылом в то время, помнишь, Коля, чего-то перебои начались?

— Да, были перебои с мылом, — подтвердил Николай. — Нам стали выдавать вместо кусков «Хозяйственного» так называемое «жидкое мыло».

— Вот-вот!

Костя поправил подушку в бесполезной попытке устроиться поудобнее.

— А этот Петрович был кабан ещё тот! Ему, чтобы хорошо себя отмыть, мыла много надо, и черпал он его, не экономя.

Когда я увидел, что Петрович нырнул в табельную к Зинке, то пошёл в душевую и заменил «жидкое мыло» солидолом. Они,

если не приглядываться, почти одинаковы по цвету и консистенции.

— Точно! — подтвердил Николай. — Почти одинаковы.

— И вот Петрович, как обычно, пошёл в душ, разделся, включил воду и начал «намыливать» голову. Всё черпает полной горстью из ёмкости и трёт, трёт голову, а пены нет! Мы с мужиками тайком наблюдали всё это из раздевалки. Петрович злился, не понимал, что происходит, а солидол с головы по всему телу потёк.

Мы вскоре не выдержали и заржали в голос. Солидол без мыла не смоешь, а кто Петровичу то мыло подаст? К тому же я его спрятал. Петрович ревёт, как медведь, матерится, грозит, ну мы и сбежали от греха из душевой.

Он выскакивает в цех, а все спокойно трудятся, вроде как никто и не покидал своё рабочее место. Скандал был жуткий, но никто меня не выдал.

Тайный город

— Вёз я однажды груз по новому для меня маршруту, — начал очередное воспоминание дед Лёша, плотно отужинав, помыв посуду и прочно угнездившись на своей кровати. — А кругом голая степь, можно сказать — пустыня. Дорог никаких нет, карт тоже. Оно тогда для азиатских республик было обычным делом. Мне только сказали: «Держись линии электропередачи, она тебя, куда надо, приведёт. До города доберёшься, а там спросишь любого встречного, как проехать».

Ну, делать нечего, поехал вдоль столбов с проводами. Жара, солнце слепит. К вечеру подъезжаю, наконец, к городу. А на въезде шлагбаум и солдаты с автоматами.

— Пропуск давай! — говорит мне сержант.

— Какой ещё пропуск? — спрашиваю. — Я груз привёз.

Даю ему документы, накладную, а тот их не берёт, пропуск требует. Тут из будки на шум лейтенант вышел, бумаги мои посмотрел, хмыкнул и говорит:

— Ты, паренёк, не туда заехал. Сержант, покараульте его, пойду позвоню полковнику.

И ушёл в свою будку. А солдатики меня быстро от машины оттёрли и смотрят на меня с подозрением. Я хоть и здоровый был парень, сами видите, а и они ни в росте, ни по телосложению мне не уступали. А это, я вам скажу, редкость в охранных войсках, тем более в Средней Азии. Вскоре к блокпосту подкатил армейский «козлик», из него вышел хмурый полковник, взял у подбежавшего

лейтенанта мои бумаги, просмотрел их очень внимательно в свете прожекторов, освещавших шлагбаум и часть дороги перед ним.

— Запретный знак у развилки видели? — спрашивает меня.

— Какой развилки? — удивился я. Взаправду удивился, потому как никакой развилки и знака не заметил. Видать, отвлёкся на что-то или задумался, вот и проглядел. — Ехал вдоль высоковольтной линии, как велели, она сюда и привела.

— В сорока пяти километрах отсюда линия раздваивается, — сказал полковник. — Возвращайтесь к развилке и поезжайте по нужному вам направлению. Здесь не тот город, что вам нужен.

— Куда ж поеду, на ночь глядя? — взмолился я. — Сумерки уже, скоро и столбов видно не будет. Да и горючего мне теперь не хватит! Позвольте, товарищ полковник, переночевать в вашем городе и утром там заправить машину.

Полковник долго молчал, испытующе глядя на меня, а потом недовольным тоном сказал:

— Хорошо. Отгоните машину с дороги в сторонку, чтобы не мешала проезду. Я устрою вас на ночь в нашей гостинице. Там же поужинаете и позавтракаете. Никуда из гостиницы не отлучайтесь. А утром немедленно отправляйтесь к месту назначения. Бензином вас снабдим. Всё ясно?

— Так точно, товарищ полковник! Спасибо!

Обрадовался я. Потом спохватился:

— Но как же я оставлю здесь машину с грузом? За городом, да ещё в стороне от дороги, в кромешной темноте! Утром ни груза, ни машины не найду…

— Не беспокойтесь, — ответил, как-то странно усмехнувшись, полковник. — В нашем городе воров нет. И милиции нет. Ну, а если утром вы обнаружите, что что-то пропало, сообщите мне. Всё вернут в целости и сохранности.

Я, конечно, не очень-то ему поверил, но куда было деваться? Бензин у меня действительно был на исходе, так что уехать я не мог. Ночевать в кабине и тем самым продемонстрировать моё недоверие полковнику? А если тот обидится? Где я тогда возьму бензин? Да и какой смысл? Если захотят ограбить, что я сделаю в одиночку? Меня и искать-то в этих местах никто не будет. Я отогнал машину с дороги и сел в полковничий «козлик».

Вечером тот городок показался мне странным, но я не смог понять — чем? А вот утром, когда я разглядел его получше, он вообще оказался чужим. Не наш это был город: не российский и не азиатский. Очень чистые прямые улицы с одинаковыми одноэтажными домиками из кирпича, окружёнными зелёными палисадниками и огородами. Тут не было ни русских изб, ни

азиатских строений. Заборчики вокруг домов низкие — чисто границы участков обозначают, защитой от воров и чужих нескромных взглядов служить не могут. Я уже к тому времени по многим городам и посёлкам поездил, но нигде ничего подобного не видел.

А вот гостиница, где я провёл ночь, была двухэтажной. И совершенно пустой! Я спал один в двухместном номере, на чистейшем белье. Предварительно, конечно, с наслаждением помывшись в гостиничном душе. Но ещё больше меня поразила столовая. Таких продуктов я даже в столичных магазинах той республики не видел. А в этом странном городке, как я убедился утром, они продавались совершенно свободно и по удивительно низким ценам! То же самое касалось и промтоваров. Я по пути из города мельком заглянул в некоторые магазины, но особо любопытствовать мне не позволил пришедший за мной утром полковник. Он был один, почему-то без машины, и мы шли пешком.

— Что это за город? — спросил я у него.

— Считай, что он тебе приснился, — хмурясь, ответил тот. — Никогда и никому не рассказывай о том, что ты здесь был. Иначе до конца своих дней тебе придётся жить и работать в этом городе. Скажи своему начальству, что заблудился в степи, потому и опоздал. Или что машина сломалась — чинил до утра. Понял?

Я, конечно, решил, что он шутит, решил ему подыграть и начал плести, что с такой жратвой и комфортом в местной гостинице, не грех в этом городе и подзадержаться. И тут он мне объяснил, что город тот — эсэсовский! То есть, живут в нём бывшие эсэсовцы, попавшие во время войны к нам в плен. Они сами его и построили.

— Но я видел на улицах детей! — Не поверил я. — Как это возможно?

— Так ведь в частях СС были и женщины. — Криво усмехнулся полковник. — Амнистия и возврат в Германию им не светила, ни мужикам, ни бабам, так что они предпочли создать новые семьи здесь. Работают все старательно и аккуратно, по-немецки. Мужики в урановых шахтах, бабы — в обслуге. Подросших детей ждёт та же судьба. Бежать никто из них не пытается, хоть все и знают, что никто из жителей этого города никогда не выйдет за его пределы. Да и куда тут убежишь? Вокруг на сто с лишним километров — безводная пустыня или безжизненные горы. Понял теперь, почему ты не должен проговориться, что побывал здесь? Вякнешь кому-нибудь хоть слово и тут же окажешься в нашей урановой шахте. Навсегда!

— А как же люди, что меня видели? — спросил я,

покрывшись, несмотря на наступающую жару, мурашками. — Солдаты на блокпосту, гостиничная обслуга…

— Не бойся, эти против меня не пойдут. Смысла нет.

— Как это? — Не понял я. — Всегда найдётся стукач, карьерист или идейный.

— Туго до тебя доходит.

Полковник остановился, развернул меня к себе лицом и медленно, отчётливо выговаривая слова, повторил:

— Никто из жителей этого проклятого города никогда не выйдет за его пределы.

— И вы?

— Никто! Потому и жратва здесь любая, и комфорт, и медобслуживание соответствующие. Всё ещё хочешь, как ты выразился, подзадержаться?

Машина моя и груз оказались в целости и сохранности, бак заполнен бензином, так что я, попрощавшись с полковником, постарался от греха подальше поскорее убраться оттуда. И молчал об этом случае пятьдесят с лишним лет…

— А сейчас чего вдруг осмелел? — спросил Костя.

— Так ведь нет уже давно ни СССР, ни того полковника, что пожалел когда-то молодого шофёра, — глубоко вздохнув, ответил дед Лёша. — Но я всё равно вам даже название той азиатской республики не назову, и уж тем более не укажу место, где находился тот город. И не просите. Не осмелел я, а просто вот, наконец, выговорился, и стало легче…

Дед Лёша лёг и отвернулся к стене, давая понять, что продолжать разговор не намерен.

Надежда

Давление начало «шалить» у меня лет тридцать назад. Но кардинально скачки стали доставать приблизительно с 2008 года. Именно тогда я и начал бесконечные «походы» по врачам. Обошёл всех, кроме гинеколога и проктолога. Не раз сдал всевозможные анализы, делал УЗИ и кардиограммы.

Вердикт врачей гласил: «Здоров, как бык! Всё в норме, хоть сейчас — в космос!»

А скачки давления становились всё чаще и масштабнее. Только в первые пять месяцев 2016 года пришлось пять раз вызывать «Скорую помощь». Опять начались походы по врачам, анализы, кардиограммы, дорогущие УЗИ сердца и МРТ. Не говоря уже о горстями глотаемых далеко не дешёвых таблетках. Но диагноза по-прежнему нет!

В марте 2017 года пройден очередной круг анализов, часть из которых почему-то можно сделать только за деньги. Кардиограмма вновь ничего криминального не показала. Диагноз кардиолога:

— Очевидно, вы реагируете на погоду. Меняется погода — скачет ваше давление. Медицина тут бессильна, поэтому просто научитесь с этим жить.

Восьмого апреля 2017 года где-то около одиннадцати часов дня меня на «Скорой» с инфарктом доставили в коломенский кардиоцентр и провели срочную операцию стентирования одного из сосудов сердца. А погода, что б её, в Коломне в тот день стояла хорошая…

Уже здесь, лёжа в палате № 8 кардиологического отделения коломенской ЦРБ, я узнал удивительные вещи. Оказывается, больница города Луховицы забита жителями Зарайска. А вот коломенский кардиоцентр — больными из Луховиц, Воскресенска и иных окрестных поселений. Кого-то из них привезла в Коломну «Скорая», *кто-то приехал сам по направлению врача!* Это поразительно: коломенец может попасть в коломенский кардиоцентр только на «Скорой», когда у него уже в полную силу развивается инфаркт или инсульт. Ни один врач-кардиолог коломенской поликлиники никогда, ни при каких обстоятельствах не даст своему пациенту направление в коломенский кардиоцентр для обследования состояния сосудов сердца! Я знаю женщину, которая чуть не умерла прямо у двери врача-кардиолога. Ей заявили, что свободных мест в кардиоцентре нет!

— Я уже не дойду до дома, — заплакала несчастная. — Сделайте хоть что-нибудь…

Ей вызвали «Скорую» и отправили… нет, не в кардиоцентр, а в отделение общей терапии! Там быстро поняли, чей она пациент, и немедленно на каталке перевезли прямо в операционную кардиоцентра, где бедной женщине буквально спасли жизнь. Ещё бы немного, и та бы умерла от инфаркта.

Вот и меня последние восемь лет гоняли по всем врачам, заставили сделать массу анализов, потратить кучу денег на дорогостоящие лекарства и процедуры, но ни один из кардиологов (я был у нескольких, так как взять талончик на приём к кардиологу отнюдь не просто — очередь к ним расписана на две-четыре недели вперёд) не дал мне направление на обследование сосудов сердца в наш же, коломенский, кардиоцентр! Кто и зачем установил такие порядки?

Со мной в палате лежали двое больных из Луховиц, ещё один луховичанин каждый день приезжал на дневной стационар — сам

так пожелал! Ещё двоих земляков из Луховиц мои соседи по палате увидели в общем коридоре и курилке. И это только мужчины! В женские палаты мы, естественно, не заглядывали. Я думаю, Коломна больше Луховиц, но мне за почти две недели нахождения в стационаре не встретилось ни одного знакомого лица. Конечно, все мои впечатления субъективны, никаких статистических исследований я не проводил, и, возможно, ошибаюсь в выводах. Но, как говорится, «что вижу — о том и пою».

Спасибо врачам — они спасли мне жизнь. Но предупредили, что имеются ещё пара проблемных сосудов, один из которых буквально пару процентов не дотягивает до критического состояния, при котором будет необходима операция. И как я узнаю, когда этот порог будет перейдён?

— Вы — наш клиент! — сказала мне при выписке из больницы Татьяна Михайловна Лопухина.

Я тогда её не понял. А теперь до меня дошло. Мне придётся жить с тикающей «часовой бомбой» в груди, не зная, когда она сработает. И надеяться, что «Скорая» успеет доставить меня в кардиоцентр, а там окажутся в наличии врачи и необходимые медицинские средства для операции. Много нас таких, кто живёт надеждой. Надежда всё же лучше безнадёжности…

О юных невестах и злобных старухах

— Привет, невеста!

Я улыбнулся и получил в ответ осуждающе недоумённый взгляд. Убираю с лица улыбку и перехожу на «вы».

— Взвесьте мне десяток бананов.

Она меня не узнала. Конечно, прошло сорок лет, но я-то её узнал! Разглядел в этой раздобревшей, мрачной и усталой бабе ту шестилетнюю девочку, которую целую жизнь назад звали моей невестой. Она не была первой. До неё у меня уже были две или три — как считать! — невесты.

В те далёкие времена наш город казался мне ужасно большим, хотя на самом деле Коломна тогда была почти вдвое меньше, чем сейчас. К сожалению, я рос без отца. Мои родители развелись, когда мне было три года, и мы с мамой переехали в небольшую комнату в коммуналке пятиэтажной хрущобы. Мама работала на заводе в две смены на двух станках и училась на заочном отделении в педагогическом институте. Утром она уходила на работу, а я целый день проводил во дворе нового, незнакомого двора. Я не знал местных детей, зато им их родители, видимо, доходчиво объяснили, что не стоит дружить с сыном «этой». Отношение к матерям-одиночкам в те времена у окружающих было крайне негативное, отнюдь не столь радужное, как показывалось в тогдашних кинофильмах.

Я до сих пор не могу понять и простить тех околоподъездных старух. Все они прожили нелёгкую жизнь, перестрадали войну, голод и разруху. Не раз при мне они совали своим внукам конфеты или яблоки, громко приговаривая: «На, деточка, ешь! Сам ешь, никому не давай!». Ещё эти старухи ревниво следили за тем, чтобы никто не обидел их кошек. Почему они были так жестоки ко мне? За что изливали на меня свою злобу? Да, у моих родителей не сложилось. Они разошлись, и мать растила меня одна. Ей пришлось работать на двух работах и, конечно, хотелось вновь устроить свою жизнь. Она встречалась с мужчинами, те её провожали, заходили в нашу комнатушку в коммуналке. Всё это, разумеется, видели и соседи, и те старухи, сидевшие с раннего утра до позднего вечера у подъезда. Они тихо что-то шипели моей матери вслед, а потом громко обзывали её разными гадкими словами при мне. *Особенно при мне!*

Некоторые из этих старух тоже растили своих детей одни — их мужья не вернулись с войны. Они полностью хлебнули горькую чашу матери-одиночки и, казалось бы, должны были сочувствовать если не моей маме, то хотя бы мне. Однако любая

дворовая кошка или голубь были им ближе, чем я, вечно голодный, одинокий ребёнок. Кошкам доставалось молоко и объедки, голубям — крошки и семечки, мне — злобная ругань. Почему? Мама родила меня в законном браке, не нагуляла не знамо с кем. С женатыми мужчинами не встречалась. За что же нас ненавидели те околоподъездные старухи?

Мама в конце концов снова вышла замуж, и мы переехали из того двора в другой, где у подъездов тоже точно так же сидели и обсуждали всех подряд такие же злобные старухи. А так как новый дом был всего лишь через дорогу от прежнего, злобное шипение в наш с мамой адрес не прекратилось.

А мои бабушка с дедушкой жили, можно сказать, на другом конце города в сталинской коммуналке. Комнаты там были меньше, зато потолки выше, и во дворе у каждой семьи был построен свой собственный сарайчик с погребом. На выходные, а то и на одну-две недели, мама привозила меня сюда на трамвае. Считать я пока не умел, и потому на каждой остановке загибал пальчики на руках, но меня постоянно отвлекало что-нибудь интересное за окном или в вагоне, я сбивался и, в конце концов, плюнул на эту затею.

Во дворе бабушкиного дома я был своим. Здесь меня все знали и любили, и я всех знал и любил. Ну, почти всех. И поэтому, неожиданно попав после развода родителей во враждебную обстановку нового дома, я всей душой стремился сюда, к бабушке, хотя бы на выходные.

Но, к сожалению, моя мама часто ссорилась с бабушкой. Я был мал и не понимал причину этих ссор. Обе, и мама, и бабушка, были упрямы и самолюбивы, что сильно препятствовало примирению сторон. Обычно, первым кончалось терпение у деда. Он вскипал, орал, крыл матом обеих упрямиц и, в конце концов, заставлял их возобновить нормальные отношения. Но мир длился недолго, и я вновь был вынужден проводить тоскливые дни во враждебном мне дворе.

Несколько раз я пытался сам, без мамы, сесть в трамвай и уехать к бабушке, но кондукторши меня не пускали. Но однажды, тёплым летним днём, я просто пошёл вдоль трамвайных рельс. Заблудиться я не боялся, так как прекрасно изучил маршрут из трамвайного окна.

Невыносимое зловоние вдруг накрыло меня, заставив ускорить шаг. Это ветер подул со стороны мясокомбината. Коломна строилась, росла, и бывшая окраина оказалась внутри города. Через несколько лет мясокомбинат перенесут отсюда подальше, за новые пределы Коломны, но город вновь расширит свои границы, и запах горелых костей опять начнёт мучить

горожан. Стараясь дышать ртом, я постарался поскорее миновать зловонные стены мясокомбината и вскоре вышел на развилку. Отсюда рельсы убегали в сторону Холодильника. Но я знал, что мне нужно держаться большого трамвайного кольца, и повернул на улицу Зелёную. Нынешних многоэтажек здесь тогда ещё не было. И дороги вдоль них не было. Была тропинка, по которой я смело шагал.

Слева от меня высились заборы частных домов, справа тянулись рельсы, поэтому машины мне не угрожали. Шоссе тогда было только с одной стороны трамвайной линии, и ездили по нему в основном грузовики и цементовозы. Частные легковушки были редкостью, особенно в этих рабочих районах. Так что меня больше пугали сторожевые псы, лаявшие и гремевшие цепями за заборами, вдоль которых я ковылял.

И вот, наконец, передо мною появилось маленькое кольцо, где некоторые трамваи разворачивались и шли в обратном направлении. «Улица Осипенко! — объявляли водители. — Трамвай дальше не идёт». Я обрадовался, так как дорогу отсюда до бабушкиного двора я не раз прошёл с мамой и прекрасно её помнил. Вообще-то, нужная нам с мамой остановка была следующей, но не всегда удавалось сесть на трамвай, который ходил по большому кольцу. Душа моя ликовала: я всё же дошёл! Сам, один, назло этим вредным кондукторшам и злым бабкам с нашего двора. Впереди меня ждут игры с друзьями и сладкая бабушкина тюря.

Конечно, вместо тюри я схлопотал порядочные трёпки и от бабушки, и от мамы, но маршрут был проложен! И когда мои самые любимые женщины в очередной раз развязывали войну, я покрепче завязывал шнурки, натягивал панамку и отправлялся вдоль трамвайных рельс. Ведь в бабушкином дворе я всегда был своим, а не «сыном этой». Там знали и помнили моего отца, мать никогда не появлялась там с другим мужчиной, пока, конечно, снова не вышла замуж. И сидевшие у подъездов старушки никогда меня не обижали. Да бабушка им этого и не позволила бы! Не говоря уж про дедушку.

Здесь, во дворе бабушкиного дома я и нашёл свою первую невесту. Сейчас уже я даже не могу припомнить её имя. Нам было где-то по три-четыре года. У неё были смуглое от природы лицо, коленки в болячках от ушибов и какой-то дефект речи. Этот дефект, а также пара белых пигментных пятен на одной из щёк что-то затронули в моей душе. Короче, однажды, когда мама пришла меня навестить, я торжественно представил ей свою невесту и заявил, что мы с ней поженимся, как только подрастём. Мама с бабушкой, конечно, всецело поддержали нас в столь

важном намерении и тут же устроили торжественный обед. На обычный обед меня зазвать было весьма затруднительно. Между прочим, у нас с моей первой невестой даже был свой собственный дом. Он находился под старой рассохшейся лодкой, лежавшей в палисаднике, видимо, под хозяйским окном.

Однако, вскоре родители моей суженой куда-то переехали, и наш роман был прерван, а разлука омыта обильными слезами. Я грустил, не хотел жить у бабушки, и мама отдала меня в детсад. По крайней мере, мне приятнее думать, что причина была в этом, а не в том, что, наконец-то, появилось свободное место.

В детском саду у меня скоро появилась новая, вторая, невеста. Её звали Оля, и она была совершенно не похожа на первую. Чистенькая, коротко стриженая (чтобы не заводились вши), с нормальной дикцией. Я удивляюсь: кому пришла в голову идея одевать мальчиков и девочек в детских садах в одинаковую одежду? Конечно, в тогдашних магазинах не было особого выбора одежды, но вот я гляжу на фото, где наш отряд, взявшись за руки попарно, куда-то идёт, ведомый лохматой воспитательницей, и не могу определить, кто мальчик, а кто девочка. У всех одинаковые трусики, майки, фартучки, панамки и «мальчишеская» стрижка — унисекс тех давних лет.

Мы быстро подружились с Олей. После первого «брачного» опыта меня совершенно не трогали насмешки мальчишек и дразнилки типа «жених и невеста», и потому они быстро прекратились. Мы с Олей постоянно были вместе и даже спали, можно сказать, в одной постели, так как наши кровати стояли посреди спальни и были сдвинуты вместе. От меня Оля узнала, чем мальчики отличаются от девочек, а я от неё, что такое глисты. Однажды она просто затащила меня в девчачий туалет, чтобы показать их, так сказать, в натуре, потому что это проще, чем пытаться объяснить словами. Как ни странно, необычность места, предмет разглядывания и отвратительный запах меня совершенно не смущали, а вот вид глистов и сам факт возможности их жизни внутри человека, видимо, поразили изрядно, раз я помню этот ликбез до сих пор!

После садика у меня появились сразу две невесты. Так как мама целыми днями работала, я свободно выбирал место игр: наш двор или двор бабушки. Между этими дворами было всего семь трамвайных остановок. Столь огромное расстояние гарантировало то, что мои невесты не знали друг о друге. Кто из них был третьей, а кто четвёртой, сейчас судить трудно. Помню только, что их обеих звали «Наташа», что для меня было весьма удобно. Раз моя первая невеста была с бабушкиного двора, то вполне допустимо считать третьей Наташу, которая была какой-

то родственницей тёти Шуры, бабушкиной соседки по квартире. Она со своей мамой часто приходила в гости к тёте Шуре, когда я гостил у бабушки. Так мы и познакомились.

С этой невестой мы пошли дальше предыдущих — стали учиться целоваться «по-взрослому». Начали мы сеанс, конечно, на природе, в густой, высокой и душистой траве палисадника, а потом обнаглели и расположились прямо на дедушкином диване. Там нас и застукал Виталька, сын тёти Шуры, которого выставили из соседской комнаты «гулять», дабы не мешал взрослым разговорам и сплетням. К этому времени мы с Наташкой уже практически пресытились поцелуями, да и распухшие губы начали ощутимо побаливать. Поэтому громкие Виталькины насмешки я с облегчением воспринял как сигнал к окончанию урока. В дальнейшем, при встрече, мы старались оторваться от ревниво надзиравшего за нами Витальки и, уединившись где-нибудь, повторить урок.

Другая Наташа жила в нашем подъезде на первом этаже и была младшей сестрой моего друга Кольки. Так как моя мама вынуждена была работать с утра до позднего вечера, я целыми днями торчал во дворе. По выходным здесь появлялся ещё один «изгой» — тот самый Колька. У него были мать и отец, старший брат Вовчик и младшая сестра Наташка. Почему родители отдали своего среднего ребёнка в интернат на пятидневку, я не знаю. Жили они в отдельной трёхкомнатной квартире, зарабатывали достаточно. Отец, плюгавенький пьянчужка, которого все звали просто Шмулька, потому что никто не знал и не хотел знать его настоящего имени, работал шофёром и дважды падал вместе с машиной в реку с Щуровского моста. Мать, тётя Маня, работала посудомойкой в рабочей столовой, поэтому с продуктами у них в семье никогда не было проблем. Они даже завели в сарайчике свиней, а когда одна опоросилась, принесли четырёх поросят домой, и те бегали по всей квартире, пока не подросли. Тётя Маня вёдрами носила с работы пищевые отходы, и из их квартиры несло, как из свинарника.

Видимо, Колька чувствовал некоторую свою отторгнутость от семьи. Мы сдружились и постоянно старались защищать друг друга в дворовых стычках. Колькин старший брат, Вовчик, почему-то старался задирать нас обоих. В будни защитить меня было некому, зато по выходным мы с Колькой, объединившись, несколько раз от души «объяснили» ему, что младших обижать нехорошо. Вскоре Вовчик перестал сам колотить нас, но постоянно старался натравить кого-нибудь из дворовых хулиганов.

Тётя Маня была очень рада, что мы с Колькой подружились.

Она никогда не отзывалась о моей маме плохо и всегда ругала Вовчика, когда тот обижал меня или Кольку. Часто, заигравшись со мной во дворе, Колька отмахивался от зовущей обедать матери. Тогда тётя Маня выходила во двор, хватала нас обоих за уши и тащила за стол. Вскоре я бежал на её зов, как к себе домой. Мы вместе обедали, играли с поросятами, чистили их и за ними. А когда Шмулька начинал «воспитывать» сыновей, ремня доставалось и мне.

Шмулька часто буянил в пьяном виде. Тётя Маня была выше его почти на голову и массивнее, наверно, вдвое. Но почему-то никогда не сопротивлялась, когда муж распускал руки. Однажды мама зашла за мной в один из таких моментов. Она была с подругой. Тётя Лида ворвалась в комнату, зажала Шмульку головой между ног, спустила с него штаны и начала охаживать тем самым ремнём, которым тот только что бил жену.

— Лидка! Что ж ты делаешь? — выл буян. — Ты ж всё моё хозяйство наружу вывалила!

— Какое там хозяйство? — басила тётя Лида. — Я вообще не вижу, чем ты сумел трёх детей настрогать!

— Лидка! Хватит!

— Терпи. Я тебе покажу, как жену бить!

— Она сама виновата! Я её прикрыл, а она бражку прячет.

— Как это прикрыл? Она что: от другого детей нагуляла?

— Нет. Дети мои. Но жили-то мы до свадьбы, а я на ней всё же женился, не бросил!

— Ах ты, гад! Так вот тебе ещё и за это!

Так мы и жили. Когда тётя Маня стирала, то, не слушая возражений, сдирала с меня одежду, давая взамен что-нибудь чистое из вещей своих детей. Когда у них был «банный день», тётя Маня запихивала в ванну сначала братьев, а потом нас с Наташкой. Наташка была года на три младше меня, и поэтому её мать не видела причины для меня стесняться. Она тёрла нас по очереди мочалкой, а потом вытирала одним огромным полотенцем. Именно после первого подобного купания нас с Наташкой стали звать женихом и невестой.

И вот теперь, через сорок лет, я улыбнулся ей и сказал: «Привет, невеста!», а она меня не узнала…

Случай в ванной

Мою руки перед обедом. В ванную заглядывает обеспокоенная жена.

— Что здесь за грохот был?

Отвечаю:

— Бутылка с твоим шампунем в ванну упала…

Пауза. Жена с недоумением смотрит на стоящую на бортике ванны шампунь.

Невозмутимо заканчиваю фразу:

— … после того, как на неё упал кусок мыла.

Оба хохочем минут пять. В детство что ли впадаем?

Об авторе

Сергей Владимирович Калабухин родился в 1958 году в городе Коломна Московской области, где и проживает до сих пор. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева (МИСИ). Инженер-электромеханик по автоматизации производства. Работал инженером-электриком, инженером-электроником, инженером-конструктором, генеральным директором малого предприятия. Был внештатным сотрудником газеты «Коломенская правда», членом редакции ежегодника «Коломенский альманах».

Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, США, Англии, Канады и Финляндии. Автор десяти книг: **«Лабиринт чувств»**, избранное (2008), **«Спорные мысли»**, сборник эссе (2011), **«Тайные хроники»**, сборник фантастики (2011), **«Спасти Герострата»**, сборник рассказов (2013), **«Взрослые сказки»**, сборник рассказов (2014), **«Мой Лермонтов»**, монография (2015), **«Мысли по поводу…»**, сборник эссе (2015), **«Необыкновенные приключения обыкновенных людей»**, сборник фантастики (2017), **«Исповедь царя Бориса»**, роман (2018), **«Коломенский текст»**, сборник эссе (2018).

Член Союза писателей России.

Награждён Почётным дипломом СП России имени Александра Трифоновича Твардовского, Дипломом СП России «За сохранение литературных традиций и активную работу по пропаганде исторического и культурного наследия древнего города Коломны», медалью СП России «Иван Бунин» и медалью «И. И. Лажечников» и другими наградами.

Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2012), дипломант Пятого всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2015), лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (2017), финалист Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (2018).

notes

Примечания

1

Пифос — большой древнегреческий кувшин. Мог быть размером с человека и более, использовался для хранения зерна, вина, оливкового масла, солёной рыбы и других продуктов. В пифосах также хоронили людей. Позднейшая историческая и художественная традиция приписала Диогену проживание в бочке, но древние греки бочек не делали.

2

Талант — Во времена Александра Великого талант равнялся 25,902 кг серебра.